

**Игорь Ерофеев,
Галина Каштанова-Ерофеева**

**ДОРОГИ
АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО**

Калининград
Аксиос
2014

В оформлении обложки использованы фотографии из архива Твардовских (фотопортрет А.Т. Твардовского, 1945 г.; снимок М. Савина у редакционного поезда газеты «Красноармейская правда», справа налево: О. Верейский, А. Зеленцов, А. Твардовский, Е. Воробьев и редактор выпуска газеты на киргизском языке, апрель 1945 г.), фотокопия газеты 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», иллюстрации О.Г. Верейского к заключительным главам поэмы «Василий Теркин» («По дороге на Берлин», «В бане», «От автора»), довоенная открытка с фотографией костела Св. Катарини в Растенбурге, снимки Г.В. Каштановой-Ерофеевой (католическая церковь Св. Бруно в г. Черняховске, костел Св. Петра и Павла и Высокие ворота в г. Лидзбарк-Варминьски).

Е 78   **Ерофеев, Игорь Васильевич.**
Дороги Александра Твардовского / Игорь Ерофеев, Галина Каштанова-Ерофеева. — Калининград : Аксиос, 2014. — 172 с.: ил. — Библиогр.: с. 168-171 — 50 экз. — ISBN 978-5-91726-068-6. — [Б. ц.].

УДК 821.161.1(092)
ББК 83.3(2=411.2)6-8

© И. Ерофеев, Г. Каштанова-Ерофеева, 2014
© Изд-во ООО «Аксиос», 2014

ISBN 978-5-91726-068-6

Оглавление

Вместо предисловия	6
Дороги Смоленщины	10
В поисках страны Муравии	25
Смоленск — Москва	32
«На той войне незначимой»	36
Дорогами большой войны. «Василий Теркин»:	
«...И от той родной столицы вспять до западной границы»	45
«Чуждый край краснокирпичный...»	69
«Дом у дороги»	109
«Родина и чужбина»	120
«Возвращение» Теркина	135
Дали дальние и ближние	138
Редакторской стезей	141
Изгнание	150
Пути Памяти	160
Литература и электронные ресурсы	168

Вместо предисловия

Со школьной скамьи знакомы нам эти строки из поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин»:

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин...

Провода умолкших линий,
Ветки вымокшие лип
Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колеса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом.
И ложится на шинель
С пухом мокрая метель...

<...>

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

<...>

День и ночь в боях сменяя,
В месяц шапки не снимая,
Воин твой, защитник-сын,
Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...

Однако ранее мы и не подозревали, что дорога, ставшая «прообразом» той, в поэме, лежит не за семь сотен километров от нашего края, а в нем самом, буквально под нашими ногами, так что хожена-езжена нами многократно. Она есть не что иное, как бывшее Кенигсбергское, а ныне Калининградское шоссе.

Именно здесь, в бывшей Восточной Пруссии, А.Т. Твардовский работал не только над материалами для газеты 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», к которой был прикомандирован в качестве военного корреспондента, но и над своими произведениями. Так случилось, что фронтовые дороги Великой Отечественной привели великого поэта сюда, и судьба его оказалась связанной с нашей землей не только «территориально».

Именно этому периоду его жизни, пусть и недолгому по времени, но значимому в его творческой биографии и все более значимому для нас, жителей Калининградской области, мы отводим большую часть нашей книги (точнее, книжечки).

Прежде заметим, дорогой читатель, что перед Вами не сугубо научное исследование, а скромный очерк. И он не был бы написан, если бы не вышла в свет книга «Я в свою ходил атаку...», подготовленная к изданию дочерьми поэта — В.А. и О.А. Твардовскими.

Опубликованные в ней рабочие тетради и письма А. Т. Твардовского военных лет помогли зримо представить страницы жизни поэта в Восточной Пруссии, более глубоко вникнуть в творческую историю произведений, над которыми он работал и в этих краях. Многослойная, непростая, болевая история самого западного региона России, самой молодой ее области была восполнена новыми значимыми фактами.

В работе мы ориентировались также на воспоминания знавших поэта людей, труды известных литературоведов и критиков, в первую очередь книги А. М. Туркова и А. И. Кондратовича. Нельзя не упомянуть и о наших земляках-журналистах, первыми взявшихся за поиск сведений о пребывании Твардовского на территории нынешней Калининградской области. Это были П. П. Казаченок (Калининград), автор статьи «Наш земляк — «Василий Теркин»» и других материалов о русских писателях, посетивших наш край, и Э. Д. Лифшиц (Гвардейск), стараниями которого в его родном городе, на том доме, где Твардовский и его товарищи по «Красноармейской правде» встретили День Победы, была установлена мемориальная доска...

Герои Твардовского — странники, порой странники поневоле. Ищет работающий крестьянин Никита Моргунок свою «землю счастья» — «страну Муравию». Война оторвала от родного угла и отправила в поход Василия Теркина, как и многих других защитников Родины, как и самого автора, — и пролегли их походные дороги

...от западной границы
До своей родной столицы,
И от той родной столицы
Вспять до западной границы...—

а потом и много далее. И свой «дом у дороги» оставляет Андрей Сивцов, тоже повинувшись долгу защитника, а затем и жена его Анна Сивцова, которую угоняют в чужую землю фашисты. И герои очерков «Родина и чужбина» понимают, что могут вернуться в свои дома, лишь когда будет побежден главный враг их большого родного дома — Отечества. Лирический герой поэмы «За далью — даль», очень близкий автору, преодолевает дали пространства физического, заглядывая и в дали времени. А поэма «По праву памяти» — это прямое обращение автора к далям прошлого, осмысление пути целой страны...

Потому и решили мы, что в заглавии нашей работы должно быть слово «дороги». И рассказ о дорогах «пространственных» мы попытались совместить с общей канвой жизни поэта, ее хроникой. Насколько это удалось — судить Вам, уважаемый читатель.

Теперь же обратимся к истокам творчества Александра Твардовского, началу жизненного пути.

Дороги Смоленщины

«Вдруг вспомнилось не то привиделось во сне, но с утра живу под впечатлением того, как ходил когда-то на станцию Пересна за книжками, в волостную библиотеку. По возрасту — мальчик-полуюноша, время года — предсенокосное, относительно свободное от работ по хозяйству. Зеленая рожь, прохладный ток стежки под босой ногой, ощущение свежей рубашки на теле, здоровья, свежести во всем мире. И надо же было вспомнить все это здесь, в поломанном войной городишке Восточной Пруссии!

Рядом с этим вспомнил уже сам, сознательно, как с братом Костей ездил в ту же Пересну на мельницу впервые... Не знаю, как брат, но я был полон необычного и радостного чувства взрослости...»

Вот так — вспомнились поэту смоленские «стежки-дорожки» на исходе долгой войны в «чуждом крае» заграничном. И, по какому-то стечению обстоятельств, записывались эти воспоминания 20 апреля 1945 г. в рабочую тетрадь не где-нибудь, а в «поломанном войной» Инстербурге. А позже были внесены и в очерк, который вошел в книгу «Родина и чужбина» под заголовком «В самой Германии».

В сердечной памяти поэта жили, отражаясь в его творениях, дороги, проселки, тропки родной Смоленской земли. Связаны с ними не «идиллии сельской жизни», а драматичные события пореволюционных лет и «великого перелома», серьезно повлиявшие и на взаимоотношения в отцовской семье, на ее судьбу.

Заметки о новом большом замысле, навеянном размышлениями о характерах отца и деда, появились в рабочей тетради А. Т. Твардовского еще «посредине военной дороги», 31 июля 1943 г. (Смоленщина два года как была под оккупантами, а до ее освобождения, которого с надеждой и тревогой ждал Твардовский, оставались считанные месяцы):

«После войны, если буду жив-здоров, буду писать “Пана Твардовского” — поэму в прозе. Сегодня придумалось прямое и ясное начало.

Например: “В середине 19-го столетия в народе была широко известна сказочная история о пане Твардовском, распространявшаяся в лубочных изданиях и переходившая из уст в уста. История эта восходит к польской мифологии и так же, как увековеченная Гёте легенда о докторе Фаусте, повествует о продаже взыскательным и многоученным человеком души черту в целях познания.

Солдат Гордей Васильев, прослужив в Варшаве в крепостной артиллерии свыше двадцати лет, там и женился. Он был грамотен, начитан и хорошо умел рассказывать. Историю о пане Твардовском он рассказывал затем так много в течение такого большого периода времени, что имя Твардовского стало за ним и числиться. Так его и записали в перепись 18... года — Твардовский. А его единственный сын уже знал себя только Твардовским, и во всю жизнь свою считал свою

фамилию, во-первых, необыкновенной и единственной, а во-вторых, обязывающей его быть не тем, чем были его родители и все простые люди.

Вначале, по условиям деревенской жизни, его потянуло к кузнице — месту, отчасти связанному с чертовской силой. Он пошел в обучение к кузнецу, претерпел все испытания тогдашнего ученичества и, наконец, вышел отличным, редкостным мастером. Делал топоры. Он был горд, хвастлив и заносчив и любил сам себя называть паном Твардовским”...»

Дед Твардовского, Гордей Васильевич, служил с 1854 г. по 1867 в Варшаве, в крепостной артиллерии. «Там, на службе, — пишет смоленский ученый В. В. Ильин, — он получил увечье и был уволен в запас. Вместе со своим сослуживцем Ильей Тарасовичем Ивановым, ставшим к тому времени его тестем, и юной женой Зиновией (Зинаидой Ильиничной) он прибыл на Смоленщину, в деревню Барсуки, хотя уроженцем был из Белоруссии и носил фамилию, согласно архивным документам, не “Твардовский”, а “Твердовский”. Но со временем «е» заменилась на «а», и последний ребенок Гордея Васильевича, Трифон (до него в семье родилось семь дочерей), действительно «знал себя... Твардовским». На него у деда была вся надежда, но Триша был невелик ростом и физической силой не отличался. Из записанного А. И. Кондратовичем рассказа старшего брата поэта, Константина Трифиновича Твардовского, известно, что Гордей Васильевич определил сына «мальчиком» в Смоленск, в галантерейный магазин к купцу Лизункову. Однако самолюбивый и гордый Триша проработал там только три дня, не стерпев «внушения» от старшего приказчика и не желая обманывать кли-

ентов. Он ночью сбежал из Смоленска (а до дома было 35 километров) и упросил отца отдать его в кузнецы. И кузнецом стал «первостатейным, каких еще было поискать во всей смоленской округе» (А. И. Кондратович). Был он «человеком грамотным и даже начитанным по-деревенски», много стихов знал наизусть, «любил и умел петь», «смолоду отличался в церковном хоре» (А. Т., автобиография).

Женился Трифон Гордеевич Твардовский не на «простой» — его избранницей стала Марфа Митрофановна Плескачевская, дочь дворянина. Правда, уже к началу XX века от поместья Плескачи ничего не осталось. Дворянин-однорец Плескачевский разорился, его семья «вела чисто крестьянский образ жизни», и Марфа Митрофановна приличествующего ее сословию образования не получила (разве только начальной грамоте была обучена), но «по крестьянству» умела все (А. М. Турков). Притом была она «всегда очень впечатлительна и чутка... ко многому, что находилось вне практических, житейских интересов крестьянского двора, хлопот и забот хозяйки в большой многодетной семье», как писал А. Т. Твардовский в автобиографии. «Ее до слез трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с далеких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого деревца...» (А. Т.).

Трифону Гордеевичу очень хотелось осесть на земле, и в 1909 г. он приобрел через Поземельный крестьянский банк землю на пустоши Столпово. Но участок Твардовским достался самый плохой. «Низина, сплошь заросшая осиной, березой, кустами, — говорил

Константин Трифонович. — Сколько там ни жили, все продолжали корчевать. Корчевали все время...» (А. И. Кондратович).

Там, на хуторе Загорье, близ деревни Сельцо Смоленской губернии, и родился Александр Трифонович Твардовский 21 июня (по старому стилю, 8) 1910 г. Родился в поле, под поставленной матерью небольшой копешкой сена. «Мать говорила, что сама и принесла Александра в подоле в хату, — рассказывал Константин Трифонович А. И. Кондратовичу. — “Задержалась с родами-то, услышала, что недоеная корова мычит, так положила Александра на кровать и пошла доить...”».

«Наше имение» — называл свой хутор «в шутку и не в шутку» Трифон Гордеевич и внушал своим детям любовь и уважение «к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй», но своей земле. «...Наша фамилия, — писал в автобиографии А. Т. Твардовский, — в обычном обиходе снабжалась еще шутливо-благожелательным или ироническим добавлением “пан”, как бы обязывая отца тянуться изо всех сил...» Отец, в отличие от местных крестьян, носил шляпу, а детям запрещал ходить в лаптях.

Хотя семье «жилось скудно и трудно» и «просветы относительного достатка» были редки, книга в доме не почиталась излишеством. Долгие зимние вечера занимало в семье чтение вслух книг Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Никитина... И первые свои строки Саша Твардовский сочинил еще до поступления в школу.

Хутор Твардовских находился в глухом месте, в стороне от больших дорог, в девяти километрах от железнодорожной станции Пересна. С одеждой и обувью

было неважно, и Александр начал учиться у старшего брата Константина, который уже ходил в школу. Так одолел азы математики и русского языка, а когда его определили в школу, был принят сразу в третий класс. Учился в Егорьевской, Ляховской, Белохолмской школах и всего закончил шесть классов.

В годы учения в школе Саша Твардовский однажды показал свои стихи молодому учителю, который отозвался о них неодобрительно: «Ничуть не шутя, он сказал, что так теперь писать не годится: все у меня до слова понятно, а нужно, чтобы ни с какого конца нельзя было понять, что и про что в стихах написано, таковы современные литературные требования. Он показал мне журналы с некоторыми образцами тогдашней — начала двадцатых годов — поэзии. Какое-то время я упорно добивался в своих стихах непонятности. Это долго не удавалось мне, и я пережил тогда, пожалуй, первое по времени горькое сомнение в своих способностях. Помнится, я, наконец, написал что-то уж настолько непонятное ни с какого конца, что ни одной строчки вспомнить не могу оттуда и не знаю даже, о чем там шла речь. Помню лишь факт написания чего-то такого».

Родители относились к увлечению сына по-разному: «Отцу, человеку честолюбивому, это было лестно, но из книг он знал, что писательство не сулит больших выгод... Мать, видя мою приверженность к таким необычным занятиям, по-своему чуяла в ней некую печальную предназначенность моей судьбы и жалела меня» (А. Т.).

Россия переживала трудные годы: революция, Гражданская война. Все труднее становилась жизнь и в Загорье. Большую семью не мог прокормить клочок

земли. Отцу постоянно приходилось думать о заработке, много работать в кузнице. Мальчики должны были помогать ему. Константин быстро освоил кузнечное дело и стал потом настоящим мастером. Александр помогал и в кузнице, и в поле, но этой работе предпочитал стихи и книги. «Отцу казалось, что сын просто ленится и ищет любую возможность увильнуть от тяжелого и грязного физического труда, который один только и мог прокормить деревенского жителя. Именно потому между сыном и отцом возникло несогласье...» (Н.Л. Еромолаева).

По словам младшего брата поэта Ивана Трифоновича Твардовского, Александра «тянуло к людям... к друзьям-единомышленникам» — комсомольцам Кубаркинской ячейки, первой в тех краях, возникшей в середине 20-х годов; он участвовал «в работах по оказанию помощи нуждающимся, проводившихся по решению комсомольских собраний, в различного рода молодежных вечерах».

С 1924 г. Твардовский посылает заметки в редакции смоленских газет. Первая его корреспонденция — «Как происходят перевыборы кооперативов» — была опубликована 15 февраля 1925 г. в газете «Смоленская деревня» (Т. Халина). Совсем еще юный селькор писал «о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, о злоупотреблениях местных властей...» Позже Твардовский отмечал не без иронии: «Изредка заметки печатались. Это делало меня, рядового сельского комсомольца, в глазах моих сверстников и вообще окрестных жителей лицом значительным».

19 июля 1925 г. там же, в «Смоленской деревне», впервые напечатали стихотворение Твардовского. Оно называлось «Новая изба» и начиналось так:

Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стены блестят.
Хорошо заживем мы с весной
Здесь на новый, советский лад...

В 1926 г. Александр Твардовский показал свои «самые подходящие» стихи поэту Михаилу Исаковскому, который в то время работал в редакции смоленской газеты «Рабочий путь». Вот каким увидел уже признанный автор начинающего поэта Твардовского: «...это был стройный юноша с очень голубыми глазами и светло-русскими волосами. Одет был Саша в куртку, сшитую из овчины. Шапку он держал в руках». А это впечатления юного автора о знаменательной встрече с М. В. Исаковским: «Принял он меня приветливо, отобрал часть стихотворений, вызвал художника, который зарисовал меня, и вскоре в деревню пришла газета со стихами и портретом “селькора-поэта А. Твардовского”».

«М. Исаковскому, земляку, а впоследствии другу, я очень многим обязан в своем развитии, — напишет Твардовский в автобиографии. — Он единственный из советских поэтов, чье непосредственное влияние на меня я всегда признаю и считаю, что оно было благотворным для меня. В стихах своего земляка я увидел, что предметом поэзии может и должна быть окружающая меня жизнь советской деревни, наша неприязнительная смоленская природа, собственный мой мир впечатлений, чувств, душевных привязанностей. Пример его поэзии обратил меня в моих юношеских опытах к существенной объективной теме, к стремлению рассказывать и говорить в стихах о чем-то интересном не только для меня, но и для тех простых,

не искушенных в литературном отношении людей, среди которых я продолжал жить. Ко всему этому, конечно, необходима оговорка, что писал я тогда очень плохо, беспомощно ученически, подражательно».

27 апреля 1927 г. в смоленской газете «Юный товарищ» опубликована подборка стихов молодого поэта со статьей Д. Осина «Александр Твардовский». Это была первая статья о его творчестве.

В том же 1927 г., на первом губернном съезде писателей, Твардовскому предложили вступить в члены Смоленской ассоциации пролетарских писателей (САПП).

Ранние поэтические опыты Твардовского («Родное», «Смоленщина», «Ночной сторож» и др.) проникнуты восторженным пафосом, посвящены наступавшим в деревне переменам и людям труда:

У девушки этой тиха походка,
У девушки этой внимательный профиль.
Теперь городская, но только год, как
Ходила жать, убирала картофель.

(«Уборщица», 1928)

В 1928 г., после конфликта, а затем и разрыва с отцом, Твардовский расстался с Загорьем и переехал в Смоленск, где, однако, долго не мог устроиться на работу и перебивался грошовым литературным заработком. До лета его приютил у себя Ефрем Васильевич Марьенков — корректор газеты «Юный товарищ», участник Мировой и Гражданской войн, литератор и добрейший человек. «Жили по-спартански... с минимумом мебели... спали на полу, на толстом слое газет, скудно питались... Зато книг в комнате

полно. Оба запоем читают и напряженно работают» (А. М. Турков). Марьенков приобщил товарища к творчеству Ивана Бунина. Какое-то время Твардовский жил у друзей и знакомых, в Доме колхозника. Однако и не имея постоянного угла и стабильного заработка, он занимался самообразованием и творчеством. Здесь, в Смоленске, он подружился со своим ровесником — критиком Адрианом Владимировичем Македоновым, с которым обсуждали и новые книги, и многие жизненные вопросы. «Твардовский шутливо именовал друга Сократом... и даже “своим университетом”» (А. М. Турков). Однако отсутствие систематического образования его тяготило.

В 1929 г. Александр Твардовский послал свои стихи в Москву, в журнал «Октябрь», где они, к большому удивлению и радости автора, были напечатаны благодаря Михаилу Светлову. Более того, кто-то из критиков положительно отозвался о них в своем обзоре. Окрыленный успехом, Твардовский едет в Москву — и все начинается заново: работа вне штата, редкие публикации, полуголодное существование. В автобиографии об этом времени он писал: «Меня изредка печатали, кто-то одобрял мои опыты, поддерживал ребяческие надежды, но зарабатывал я не намного больше, чем в Смоленске, и жил по углам, койкам, слонялся по редакциям, и меня все заметнее относил куда-то в сторону от прямого и трудного пути настоящей учебы, настоящей жизни». И хотя участие к нему проявили писатель Ефим Зозуля и критик Анатолий Тарасенков, с которым завязалась тесная дружба, в Москве тогда Твардовский надолго не задержался. В январе 1930 г., в разгар «великого перелома», он вернулся из столицы в Смоленск.

В его жизни начался тот период, который он считал “самым решающим и значительным” в своей литературной судьбе.

«В позднейшей литературе о Твардовском обычно утверждалось, что “процессы коллективизации предоставили поэту обильный и *благодатный* (...) материал”. На самом деле, — отмечает критик и литературовед А. М. Турков, — все было несравненно сложнее и драматичнее».

От журналистов требовалась поддержка происходивших перемен. И Твардовский верил в их необходимость. В этом его убеждали встречи с действительно талантливыми руководителями некоторых артелей. Но видел он и другое, — когда вместо процветания в организованном «огулом» колхозе царил разруха, когда обложение «твердым заданием» добивало обреченные хозяйства, когда раскулачивали трудолюбивых «единоличников» и высылали их с семьями «куда Макар телят не гонял». (И думал ли он, что уже вскоре этот удел постигнет его родных?..)

Искренне веривший в идеалы социализма молодой поэт под определение «рупора официальной идеологии» как-то не подходил. Сказывались и самобытность его дара, и незаурядность личности. И это чувствовали современники. Правда, трактовали по-своему, в зависимости от собственной жизненной позиции.

В апреле 1930 г. стихотворение А. Твардовского «Пчелы» («Лето в коммуне») в московском журнале «Резец» подвергает разносной критике один из руководителей РАППа. А уже 1 июня за расхождение с «генеральной линией» Твардовский был исключен из Ассоциации писателей на полгода и обвинен в том, что «не ведет общественной работы», что он «мел-

кий интеллигент, чинуша, оторвавшийся от класса, не сработавшийся с массами». В декабре 1930 г. изъят номер журнала «Западная область» со стихотворением Твардовского «Четыре тонны», а в феврале 1931 г. в смоленском журнале «Наступление» оно названо произведением, «проникнутым классово чуждыми настроениями», «грубейшей политической и творческой ошибкой» автора.

В особенности усиливаются нападки после раскулачивания и высылки отцовской семьи, которой не помогло даже вступление в колхоз. 19 марта 1931 г. в Загорье явились председатель сельсовета с понятными, обследовали усадьбу и приказали освободить хутор. Иван Трифонович Твардовский вспоминал: «А жили мы ужасно бедно — ни запасов продовольствия, ни денег. Тут и слезы, и крик. Плакали, прижавшись к матери, самые младшие — Павлик, Маша, Василек, которому было всего четыре годика. <...> На шестой день прибыл к нам отец, Трифон Гордеевич: вернулся из Донбасса, соседи рассказали о случившемся, и он напрямик к нам. На следующий день привезли Константина из Смоленской тюрьмы». 30 марта «раскулаченных» погрузили в товарные вагоны, за семь суток покормили дважды — в Казани и Свердловске, откуда поезд повернул на Север. 7 апреля высадили на станции Ляля, потом всю ночь везли по реке до старинного села Караул, затем дальше, в тайгу. Так для Твардовских, по выражению Ивана Трифоновича, начались «лесные университеты». После мытарств и бегства из мест ссылки семья нашла пристанище в селе Русский Турек Кировской области (Н.Л. Ермолаева). А поэт был исключен из писательской организации. Попытка вступить за родных ни к чему не привела.

Он избежал ссылки только потому, что жил отдельно, в Смоленске.

Твардовский уже не надеялся увидеть в печати свою поэму «Путь к социализму», но в 1931 г. она выходит в Москве благодаря рекомендации Эдуарда Багрицкого. Поэт, чье творчество для многих было символом новой эпохи, оценил работу молодого смоленского автора как «единственное в настоящее время художественное произведение, в котором актуальная тема дана в настоящем поэтическом освещении».

Однако поэма «Мужичок горбатый» (1933–1934) подверглась цензурному запрету еще в рукописи. Набранная в журнале «Наступление», она была извлечена из номера и сожжена в присутствии автора. Часть из написанного поэт включил в «Страну Муравию». Стихотворение под заголовком «Мужичок горбатый», состоящее всего из 19 строк, позже публиковалось отдельно.

17 июля 1934 г. на страницах смоленской газеты «Большевицкий молодняк» появилась статья В. Е. Горбатенкова с «многообещающим» названием «Кулацкий подголосок». Вслед за тем в районных центрах, как писала М. И. Твардовская Тарасенкову, «выносятся резолюции о том, что стихи Твардовского не помогают строить социализм».

В апреле 1935 г. в газете «Большевицкий молодняк» была напечатана статья В. Горбатенкова, И. Каца, Н. Рыленкова «Стих — это бомба и знамя. К областному поэтическому собранию», в которой авторы обвинили Твардовского в «открыто кулацких стишках» и в «извращенном показе бедноты». По подсчетам доктора филологических наук В. М. Касаткина — исследователя творчества Твардовского,

только в смоленский период было опубликовано более 80 статей с критикой в адрес поэта.

Помимо драматичных событий, в Смоленске в жизни Твардовского произошла поистине судьбоносная встреча: в самом начале 30-х годов он познакомился с Марией Гореловой, студенткой педагогического института, которая стала его женой. В бытовом плане молодой семье жилось нелегко. Мария Илларионовна оставила институт. Она работала в газете «Рабочий путь», но публиковалась и в столичных журналах «Красная новь», «Новый мир». 23 ноября 1931 г. у Твардовских родилась дочь Валентина.

Поэт твердо решил учиться дальше. «В развитии и росте моего литературного поколения, — писал он позже, — было самым трудным... то, что мы, втягиваясь в литературную работу, выступая в печати... оставались людьми без сколько-нибудь серьезной общей культуры, без образования». Это создавало «опасные иллюзии», «ребяческие надежды». В 1932 г. он поступил в Смоленский педагогический институт, что было совсем не просто. Приняли его с условием: в первый же год он должен был сдать экзамены и за среднюю школу, и институтские. И Твардовский догнал однокурсников, хотя это потребовало немалого напряжения сил, тем более что учебу он совмещал с работой корреспондента и литературным трудом.

«Эти годы учебы и работы в Смоленске навсегда отмечены для меня высоким душевным подъемом, — подытоживал позже Твардовский. — Никаким сравнением я не мог бы преувеличить испытанную тогда впервые радость приобщения к миру идей и образов, открывшихся мне со страниц книг, о существовании которых я ранее не имел понятия. Но, может быть, все

это было бы для меня “прохождением” институтской программы, если бы одновременно меня не захватил всего целиком другой мир — реальный нынешний мир потрясений, борьбы, перемен, происходивших в те годы в деревне. Отрываясь от книг и учебы, я ездил в колхозы в качестве корреспондента областных редакций, вникал со страстью во все, что составляло собою новый, впервые складывающийся строй сельской жизни, писал статьи, корреспонденции и вел всякие записи, за каждой поездкой отмечая для себя то новое, что открылось мне в сложном и величественном процессе становления колхозной жизни».

В поисках страны Муравии

«...Со “Страны Муравии”, встретившей одобрительный прием у читателя и критики, я начинаю счет своим писаниям, которые могут характеризовать меня как литератора», — отмечал Твардовский в автобиографии. Эта поэма принесла 26-летнему автору успех и известность в масштабах всей страны. Но большому творческому успеху предшествовал интенсивный творческий труд, так что путь к «Стране Муравии» для Твардовского был путем напряженного поиска своего стиля, своего поэтического языка.

Свою роль в этом сыграла работа над «писаниями» 20-х — начала 30-х годов, из которых впоследствии в свое Собрание сочинений он включил только малую часть. Эта работа была «школой ученичества» на протяжении почти десяти лет.

«...У раннего Твардовского, — замечает А. И. Кондратович, — не диво встретить Кольцова, Никитина, Некрасова» («Самогонщику», 1926; «Избяные стихи», 1928). В «Песне урожая» (1929) «молодой поэт буквально с лету “подхватил” “Урожайный марш” Маяковского, лишь услышав его зажигательный маршевый ритм...». Сам Твардовский признавал влияние Исаковского. Но главным учителем для поэта была

сама жизнь. Когда, «отрываясь от книг и учебы», он ездил в колхозы и вел записи, вникая в многообразие происходившего, он ощутил, что бессилён «воплотить это многообразие в стих»: «Около этого времени я совсем разучился писать стихи, как писал их прежде, пережил крайнее отвращение к “стихотворству”, составлению строк определенного размера с обязательным набором эпитетов, подыскиванием редких рифм и ассонансов, стремлением попасть в известный, принятый в тогдашнем обиходе тон» (А. Т.).

Твардовский обратился к поиску стиха, «максимально свободного от условных стихотворных примет», и, по свидетельству А. В. Македонова, делал пробы «в разных направлениях», писал много экспериментальных стихов, для печати не предназначенных. Он проявил интерес и к опыту конструктивистов.

Его поэма «Путь к социализму» (так назывался колхоз, о котором шла в ней речь), по словам самого автора, «была сознательной попыткой говорить в стихах обычными для разговорного, делового, отнюдь не “поэтического” обихода словами:

В одной из комнат бывшего барского дома
Насыпан по самые окна овес.
Окна побиты еще во время погрома
И щитами завешаны из соломы,
Чтобы овес не пророс
От солнца и сырости в помещенье.
На общем хранится зерно попеченье...»

«Поэма <...> встречена была в печати положительно, но я, — пояснял Твардовский, — не мог не почувствовать сам, что такие стихи — езда со спущенными

вожжами — утрата ритмической дисциплины стиха, проще говоря, проза. Но и вернуться к стихам в прежнем, привычном духе я уже не мог. Новые возможности погрелись мне в организации стиха из его элементов, входящих в живую речь, — из оборотов и ритмов пословицы, поговорки, присказки».

Вторая его поэма, «Вступление», «была данью таким именно односторонним поискам “естественности” стиха» (А. Т.) В отличие от его юношеской лирики, проникнутой пафосом «радостного, восторженного приятия всего нового, что пробуждает сонную глушь» (А. И. Кондратович), поэмы «Путь к социализму» и «Вступление» были мучительной попыткой оправдать драматичные перемены в жизни деревни, связанные с коллективизацией (А. М. Турков).

Знаменательно, что, помимо «Вступления», в 1932 г. Твардовский не публикует ни одного поэтического произведения. Переживая творческий кризис, сомневаясь в своем поэтическом таланте, он и впрямь переходит на прозу. В том же году выходит в свет его повесть «Дневник председателя колхоза» (и нельзя сказать, что это был неудачный опыт).

Позже, в автобиографии, Твардовский обозначил то, что помогло ему преодолеть кризис, выйти на новый уровень понимания сути творчества и выработать творческое кредо, которому следовал всю жизнь: «Пристальное знакомство с образцами большой отечественной и мировой поэзии и прозы подарило мне еще такое “открытие”, как законность условности в изображении действительности средствами искусства. <...> А то наблюденное и добытое из жизни мною лично, что я носил в душе, гнало меня к новой работе, новым поискам. То, что я знаю о жизни, — казалось

мне тогда, — я знаю лучше, подробней и достоверней всех живущих на свете, и я должен об этом рассказать. Я до сих пор считаю такое чувство не только законным, но и обязательным в осуществлении всякого серьезного замысла».

Твардовский возвращается «к классическому стиху, его мелодике, организованности» («Снег стает, отойдет земля...», 1932; «Лес осенью», «Гость», «Братья», «Кнут», 1933, и др.). Недавние свои «пробы» и «опыты» он назовет «антипоэзией». «В 1933 и особенно в 1934 г. стих Твардовского приобретает ритмическую устойчивость, оставив при себе и сюжетность («Он до света вставал...», «Бубашка», «Мужичок горбатый»), и разговорную интонацию... <...> С организацией стиха появляется и новое качество поэзии Твардовского, без которого она потом будет просто невысказана, — юмор» (А. И. Кондратович). Поэт был готов к большой работе.

27 июня 1934 г. Твардовский был принят в Союз советских писателей. Остальным претендентам, в том числе ответственному секретарю газеты «Большевикский молодец» В. Е. Горбатенкову, яростному его противнику, в приеме было отказано, после чего поток откровенных оскорблений в адрес поэта увеличился.

В августе Твардовский участвовал в работе I Всесоюзного съезда советских писателей в качестве делегата с совещательным голосом.

Осенью работа над «Страной Муравией» настолько захватила его, что он оставил занятия в институте.

«...Задумал я эту вещь, — писал поэт о рождении замысла, — под непосредственным воздействием извне, она была мне подсказана А. А. Фадеевым,

хотя эта подсказка не была обращена ко мне лично и не имела в виду жанр поэмы. Началом своей работы над «Муравией», первым приступом к ней я считаю 1 октября 1934 г., когда я занес в свой дневник выписку из появившейся в печати речи Фадеева». Известный писатель имел в виду 3-й том романа Ф. Панферова «Бруски» — точнее, тот его фрагмент в несколько страничек, в котором говорилось о крестьянине Никите Гурьянове, ищущем «угол», где нет колхозов. Фадеев считал, что этот эпизод можно было бы развернуть в роман масштаба «Дон-Кихота».

Вчерне поэма была закончена 19 июля 1935 г., ее первоначальный вариант М. Исаковский передал М. Горькому. Горький дал неблагоприятный отзыв, — по его словам, в поэме «ясно видны... подражания то Некрасову, то Прокофьеву, то — набор частушек и т. д.».

«Подкосил дед, нужно признаться, — отметил в дневниковой записи от 23 августа 1935 г. огорченный автор. — Но уже прошло два дня. Обдумал. Обчувствовал. Переживем. И да обратится сие несчастье на пользу нам... Дед! Ты заострил лишь мое перо. И я докажу, что ты «ошибку давал!»» И в этом в полной мере проявилась присущая Твардовскому независимость характера и суждений.

Текст поэмы он дорабатывал до ноября. Но отрывки из нее уже публиковались в газете «Рабочий путь» и сборнике Твардовского, вышедшем в 1935 г.

21 декабря 1935 г., за несколько месяцев до публикации «Страны Муравии» в журнале «Красная новь» (1936, № 4), в московском Доме литераторов состоялось ее обсуждение, прошедшее с большим успехом для автора. Поэма была высоко оценена Верой

Инбер, Борисом Пастернаком и многими другими поэтами и критиками. А после журнальной публикации она вышла отдельным изданием в Смоленске и Москве, в ближайшие годы последовал еще ряд переизданий.

В основе полусказочного условного сюжета поэмы — странствия «последнего единоличника» Никиты Моргунка, который не желал вступать в колхоз, мечтал о сказочной стране Муравии — символе «единоличного» крестьянского счастья, крае, где неизбежно соблюдается принцип частной собственности: «Колодец твой, и ельник твой, и шишки все еловые...» Моргунок в поисках «Муравской страны» едет по белу свету на запряженной лошадежкой телеге, встречается по пути самых разных людей, наблюдает за жизнью в деревнях и селах — где-то крестьяне объединились в колхоз и процветают, где-то живут «сами по себе». С одной стороны, его тревожит судьба таких, как зажиточный хозяин Илья Бугров, лишившийся земли, на которой работал не покладая рук. С другой — привлекают картины объединяющего людей совместного труда на земле, чему можно найти объяснение: «...общий, коллективный труд на земле для русского крестьянина, в недавнем прошлом общинника, был гораздо радостнее, веселее, чем труд единоличный на своем маленьком клочке земли, в своем хуторском хозяйстве...» (Н. Л. Еромолаева).

Так что же — смысл поэмы сводится «к утверждению торжества колхозного строя», в соответствии с официальной трактовкой известных лет? Действительно, можно сказать, что путешествие героя «развенчивает его прежние представления», что вместо легендарной страны Муравии судьба «открывает перед ним дорогу

в колхозную жизнь». И можно добавить, что только эту дорогу ему и оставляет, без выбора. А. М. Турков полагает, что «столкновение скромной мечты Моргунка с грозной действительностью, как это ни кажется парадоксальным, в чем-то перекликается с “Медным всадником”», что автор, искренне веривший в преимущества колхозного строя, подспудно подошел к одной из ключевых проблем, обозначенной еще Пушкиным. И сходство «Страны Муравии» с поэмой Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», которое иные исследователи усматривали в стилистическом и композиционном планах, по сути, обманчиво, хотя, как и Некрасов, Твардовский «отправляет» героя в путешествие и широко использует фольклорные жанры.

Иные критики приняли поэму отнюдь не благожелательно, охарактеризовав как «кулацкую». Интересовались Твардовским и в смоленском НКВД.

Смоленск — Москва

Успех «Страны Муравии» сыграл свою роль. В апреле 1936 г. А. Т. Твардовский вызволил отцовскую семью и перевез в Смоленск.

«Летом 1936 г. после публикации “Страны Муравии” Твардовский навсегда перебрался в Москву, сняв там небольшую комнату в Могильцевском переулке возле Смоленской площади, в одной коммунальной квартире с известным в то время поэтом Петром Орешинным» (А. И. Кондратович). К тому же отъезд помог избежать и «некоторых неприятностей»: «Знай, если бы я задержался в Смоленске еще на один день, — говорил Твардовский своему другу — писателю Александру Беку, — меня взяли бы. Я тебе признаюсь, после моего отъезда за мной приходили».

Осенью поэт поступил на 3-й курс Московского института истории, философии и литературы (отделение языка и литературы).

«Там, в МИФЛИ, что расположился в тылу Сокольников на берегу Яузы, — вспоминал Алексей Иванович Кондратович, — я впервые и увидел Александра Трифоновича».

Он стоял во время перемены между лекциями у широкого проемного окна... <...> Коридор бурлил

взрывами смеха, шумной молодой разноголосицей. Твардовский стоял один, высокий, стройный, спокойный, курил папиросу. Стоял и посматривал не очень внимательно на студенческую колготню, занятый своими мыслями. <...>

В его одиночестве не было ничего особенного и тем более показного. Легко было заметить, что Твардовский просто намного старше всех этих говорливых юнцов и девиц. Ему было тогда 27 лет.

Конечно, институт не значил для Твардовского то, что значил для всех других студентов — приготовление к взрослой жизни, к работе. Он уже превосходно работал в литературе. Однако и учеба, не составлявшая главного содержания жизни, была для него делом важным. Чем бы ни занимался Твардовский, он занимался только всерьез и основательно. И талантливо».

Он учился с необычайной увлеченностью, но не оставлял поэзию. В 1937 г. в «Советском писателе» выходит сборник его стихов (преимущественно «домуравского периода»), который так и называется — «Стихи», в 1938 г. — книга «Дорога», в начале 1939 г. — «Сельская хроника», которая принесла ему новый успех, в 1940 г. — «Загорье». В ряду его лучших лирических произведений тех лет — стихотворения о матери («Ты робко его приподынешь...», 1936; «Матери», «Не стареет твоя красота...», 1937), в которых память становится одним из ключевых мотивов:

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька по речке,
И грустный запах молодого сена,

И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

(«Матери», 1937)

Важное место в его творчестве занимали переводы Т. Г. Шевченко, И. Франко, Я. Купалы, М. Сурначева, произведений фольклора — украинского, белорусского, чеченского, армянского, черкесского.

В сентябре 1938 г. Александра Трифоновича и Марию Илларионовну Твардовских постигло большое горе: умер от дифтерита их маленький сын Саша. (Боль этой утраты отзовется позже в строках поэмы «Дом у дороги».)

В том же году, в обстановке тотальных «чисток», Твардовский, проявляя завидное мужество, с литературной трибуны назвал опального эмигранта Бунина «важнейшим для себя русским поэтом» наряду с Некрасовым.

В череде разбирательств, которые последовали за поступившими в 1937 г. «сигналами» о связи Твардовского с «контрреволюционной группой среди смоленских писателей», в начале 1939 г. поставило точку награждение поэта орденом Ленина «за выдающиеся успехи в развитии советской художественной литературы» наравне с Асеевым, Шолоховым и Фадеевым. Его стихи и поэмы охотно печатали журналы и одобрительно воспринимала критика, однако он был далек от самоуспокоенности.

В июне 1939 г. Твардовский окончил МИФЛИ с отличием.

Вместе с другим орденосцем, М. В. Исаковским, он написал письмо прокурору Смоленской области

о необходимости пересмотра дела литературного критика А. В. Македонова, осужденного Особым совещанием при НКВД СССР.

В Москве Твардовский знакомится с Самуилом Яковлевичем Маршаком и Александром Альфредовичем Беком, ставшими для него друзьями на всю жизнь.

«На той войне незначимой»

Осенью 1939 г. А.Т. Твардовский был призван в Красную Армию. В качестве военного корреспондента он принимал участие в походе в Западную Белоруссию, после чего был уволен в запас. Но с началом Советско-финской войны (1939–1940) его вновь призвали и направили в газету Ленинградского военного округа «На страже Родины».

На страницах этой газеты и «появился на свет» Вася Теркин — герой коллективного фельетона, над которым вместе работали А. Твардовский, Н. Тихонов, С. Вашенцев, Н. Щербаков, Ц. Солодарь. Поэт написал о том в статье «Как создавался Василий Теркин»: «Как-то, обсуждая совместно с работниками редакции задачи и характер нашей работы в военной газете, мы решили, что нужно завести что-нибудь вроде “уголка юмора” или еженедельного коллективного фельетона, где были бы стихи и картинки. Затея эта не была новшеством в армейской печати. По образцу агитационной работы Д. Бедного и В. Маяковского в революционные годы в газетах была традиция печатания сатирических картинок со стихотворными подписями, частушек, фельетонов с продолжениями с обычным заголовком — “На досуге”, “Под красноармейскую

гармонь” и т. п. Там были иногда и условные, переходящие из одного фельетона в другой персонажи, вроде какого-нибудь повара-весельчака, и характерные псевдонимы, вроде Дяди Сыся, Деда Егора, Пулемчика Вани, Снайпера и других. В моей юности, в Смоленске, я имел отношение к подобной литературной работе в окружной “Красноармейской правде” и других газетах. И вот мы, литераторы, работавшие в редакции “На страже Родины”, решили избрать персонаж, который выступал бы в сериях занятных картинок, снабженных стихотворными подписями. Это должен был быть некий веселый, удачливый боец, фигура условная, лубочная». Вступление к предполагавшейся серии фельетонов было поручено Твардовскому, который должен был дать «хотя бы самый общий “портрет” Теркина и определить, так сказать, тон, манеру... дальнейшего разговора с читателем». Вот некоторые строфы этого «начала» «Теркина»:

Вася Теркин? Кто такой?
Скажем откровенно:
Человек он сам собой
Необыкновенный.

При фамилии такой,
Вовсе неказистой,
Слава громкая — герой —
С ним сроднилась быстро.

И еще добавим тут,
Если бы спросили:
Почему его зовут
Вася — не Василий!

Потому, что дорог всем,
Потому, что люди
Ладят с Васей как ни с кем,
Потому, что любят.

Богатырь, сажень в плечах,
Ладно сшитый малый,
По натуре весельчак,
Человек бывалый.

Хоть в бою, хоть где невесть, —
Но уж это точно:
Перво-наперво поесть
Вася должен прочно,

Но зато не бережет
Богатырской силы
И врагов на штык берет,
Как снопы на вилы.

И при этом, как ни строг
С виду Вася Теркин, —
Жить без шутки б он не мог
Да без поговорки...

Для Твардовского, до финской кампании «не писавшего ничего “военного”», «вступление к коллективному “Теркину”» было одним из первых шагов «в освоении новой тематики, нового материала». Правда, этим вступлением его участие в «жизни Теркина» тогда и ограничилось: «Отдав дань “Васе Теркину” одним-двумя фельетонами, большинство его “зачинателей” занялись, каждый по своим склонностям и воз-

возможностям, другой работой в газете». Твардовский, помимо корреспонденций для газеты, писал стихотворения («Наступление», с посвящением 123-й ордена Ленина дивизии, 1939–1940; «Григорий Пулькин», «Шофер Артюх», «В подбитом танке», 1940, и др.). Основным автором «Теркина» стал красноармейский поэт и сотрудник редакции Николай Щербаков. Специфика работы над «Теркиным» тогда заключалась в том, что сначала задумывалась тема очередного фельетона, художники В. Брискин и В. Фомичев делали рисунки (как правило, по шесть к каждой теме), и уже к рисункам «являлись стихи-подписи» (Твардовский их порой только редактировал). В феврале 1940 г. в библиотечке журнала «На страже Родины» эти фельетоны были выпущены отдельной книжечкой («Вася Теркин», М.—Л., «Советское искусство»), для этого издания «биографию» героя в стихах сочинил С. Я. Маршак. «А успех у читателя-красноармейца “Теркин” имел больший, чем все наши статьи, стихи и очерки, — отмечал Твардовский, — хотя тогда к этому успеху мы все относились несколько свысока, снисходительно». Он и подумать не мог, что еще вернется к образу солдата-весельчака и тот, обретая под его пером объем и глубину, станет близким миллионам соотечественников поэта. И уже после того, как это случится, он напишет в автобиографии: «Мое участие в создании фельетонного персонажа “Васи Теркина” в газете “На страже родины” (ЛВО) — это, по существу, начало моей основной литературной работы в годы Отечественной войны 1941–1945 гг.».

13 марта 1940 г. Советско-финская война завершилась подписанием мирного договора. 11 апреля Указом Президиума Верховного Совета СССР Твардовский

был награжден орденом Красной Звезды. 20 апреля он принят в члены ВКП(б).

На Карельском перешейке Твардовский тоже вел записи. В первую очередь, они были необходимы для работы над материалами в газету — «над очерками о героях боев, написанными на основе личных бесед с людьми фронта», что он считал тогда особенно важным делом и что приносило ему «больше удовлетворения, чем стихи». Ценность этих записей Твардовский видел еще и в том, что это были «живые, хотя и беглые, наблюдения и впечатления», в отличие от многого из того, что переносилось на печатную страницу с неизбежным вмешательством редакторов и цензуры.

По окончании боев в Финляндии он «тотчас занялся», «по свежей памяти», «расшифровкой» и перебелкой карандашных записей в «Рабочую тетрадь» 1939–1940 годов». Впервые эти записи под заглавием «С Карельского перешейка» были опубликованы только в 1969 г. в «Новом мире» (№ 2), а позже включены в последнюю книгу пятитомника (1971), с авторской датировкой и подзаголовком «Из фронтовой тетради». Нет в них ни пафоса, ни обличений. Есть люди на войне, которая отделяет их от собственного же прошлого, заставляя иначе смотреть на жизнь. Есть сурово-сдержанное и оттого еще более впечатляющее описание «поляны смерти», увиденной в начальные дни военных действий. Есть описания боев, рассказы их участников, заметки о военном быте. Есть любование «сильной и суровой красотой этих мест», заинтересованное внимание к «особой культуре жилья, теплого и уютного», свидетельствующей о «традиционной строгой домовитости», и даже вос-

хищение «чудесными финскими печами», что «вроде наших “бураков”, но меньше, изящней и во много раз продуктивней»: «Два полена — и печка тепла и способна держать тепло хоть всю ночь». Есть воспоминание о концерте «плохонькой бригады эстрадников» и смотревших его бойцах: «...лица, лица, лица красноармейцев. Иные с таким отпечатком простоватости, наивного ребяческого восхищения и какой-то подавленной грусти, что сердце сжималось. Скольким из этих милых ребят, беспрекословно, с горячей готовностью ожидающих того часа, когда идти в бой, скольким из них не возвратиться домой, ничего не рассказать... И, помню, впервые испытывал чувство прямо-таки нежности ко всем этим людям. Впервые ощутил их как родных, дорогих мне лично людей». Есть горькая печаль о погибших: «Сжималось сердце при виде своих убитых. Причем особенно это грустно и больно, когда лежит боец в одиночку под своей шинелькой, лежит под каким-то кустом, на снегу. Где-то еще идут ему письма по полевой почте, а он лежит. Далеко уже ушла его часть, а он лежит. Есть уже другие герои, другие погибшие, и они лежат, и он лежит, но о нем уже реже вспоминают». Есть много имен: «Но и “на той войне незначенитой”... были наши люди. И память о них не может подлежать забвению. Воину не дано выбирать ни времени, ни места, где ему придется пролить свою кровь или сложить голову...» Есть чувство, неведомое в прежней мирной жизни: «... (и уже знаю, что оно неверное), схожее трудно сказать с чем. Я как бы обижен за фронт и его людей. Как это все могут жить, как жили, интересоваться, чем интересовались, когда они должны же знать, какая это была война, сколько тысяч людей (...) заглянули в ее

жуткие глаза, пережили ни с чем не сравнимое и никогда об этом не скажут! Это чувство — вроде какой-то ревности...» И есть предчувствие: «Все время, между прочим, было такое ощущение, что нечто громадное и необычное еще впереди, что еще будет, будет всего. То едут какие-то невероятные пушки, какие и артиллеристы не все видели, то какие-то приспособления, щиты, бронесани, то еще черт знает что пододвигается, подтягивается силой несчетного, несметного количества моторов...»

Надо рассказать о войне и о тех, кто уже никогда о ней не расскажет. Но как? В какой, достойной этого, форме? 20 апреля 1940 г. Твардовский пишет в рабочем дневнике о важном для себя открытии: «Переписывая в тетрадь карандашные записи для порядка, я все время думал о том, что же я буду писать о походе всерьез. Мне уже представился в каких-то моментах путь героя моей поэмы. Переход границы, ранение, госпиталь, следование за частью, которая ушла далеко уже. Участие в решительных боях... <...> Но ни имени, ни характера в конкретности еще не было. Вчера вечером или сегодня утром герой нашелся, и сейчас я вижу, что только он мне и нужен, именно он. Вася Теркин! Он подобен фольклорному образу. Он — дело проверенное. Необходимо только поднять его... <...> А как необходимы его веселость, удачливость, энергия и неунывающая душа для преодоления сурового материала этой войны! И как много он может вобрать в себя из того, чего нужно коснуться!...» И далее поэт наметил в общих чертах его характер, «биографию» и, по сути, «предсказал судьбу»: «При удаче это будет ценнейший подарок армии, это будет ее любимец, нарицательное имя».

«Теркин», по тогдашнему моему замыслу, — пояснял Твардовский позже, в статье о создании этой поэмы, — должен был совместить доступность, неприязнительность формы — прямую предназначенность фельетонного «Теркина» — с серьезностью и, может быть, даже лиризмом содержания. <...> Мне в этом новом для меня материале было дорого все до мелочей — какая-нибудь картинка, словесный оборот, отдельное словцо, деталь фронтового быта. А главное — мне были дороги люди, с которыми я успел повстречаться, познакомиться, поговорить на Карельском перешейке... <...> О каждом из них я уже что-то написал — очерк, стихи, — и это само собой, в процессе той работы, заставляло меня разбираться в своих свежих впечатлениях, то есть так или иначе «усваивать» все связанное с этими людьми».

Осенью 1940 г. Твардовский ездил в Выборг, где стояла 123-я дивизия, в которой он находился во время прорыва «линии Маннергейма»: «...мне нужно было посмотреть места боев, встретиться с моими знакомцами в дивизии. Все это — с мыслью о «Теркине»». Он начинал «опробовать стих» для новой вещи, «нащупывать какие-то начала, вступления, запевы». Делая все новые пробы, он пришел к выводу, что именно четырехстопный хорей — тот «стихотворный размер, которым нужно писать поэму».

19 февраля 1941 г. Твардовский выехал в Ригу с писателем В. С. Гроссманом — «собирать по заданию ПУ РККА материал по истории 90-й дивизии». 12 марта записал: «Возвратился из Прибалтики... <...> «Теркин» запущен за этот месяц, хотя за время поездки надумалась (по материалам истории дивизии) глава для начала — «Переправа» (Кивиниеми)...»

20 марта уже читал главки «Теркина» Маршаку, о чем сделал запись 21-го: «...Он был просто взволнован, но необходимо помнить, что это с ним бывает, а потом он ничего моего, кроме “Муравии”, не помнит. Одно важное его замечание: стихи свободные, без стремления к эффектам на каждой строчке. Помнить о деле, о том главном, что хочешь сказать, а строчки сами собой будут хороши».

Память поэта о «войне незначимой» позже, в 1943-м, продиктует ему короткое и пронзительное стихотворение «Две строчки». А «Теркина» востребует другая война. Не сразу. Сначала заслонит собой все заботы, страхи, волнения, радости, горечи, открытия мирного времени.

Дорогами большой войны. «Василий Теркин»

*«...И от той родной столицы
вспять до западной границы»*

«Отправляясь в начале лета в деревню Грязи Звенигородского района, Твардовский собирался там заниматься именно “Теркиным”, о чем свидетельствует рабочая тетрадь, где занесен вариант главы “На привале” с пометкой “18.VI.41, Грязи”, и, наверно, рассчитывал на то, что он все же выйдет на драгоценную жилу. Но работающего лета не получилось: узнав о начале войны, Твардовский в тот же день “ушел на станцию и в переполненном поезде Звенигородской ветки поехал в Москву являться по начальству”», — писал Алексей Кондратович.

«Двадцать второе июня 1941 г., — свидетельствовал сам поэт, — прервало все... мои поиски, сомнения, предположения. Все это было той нормальной литературной жизнью мирного времени, которую нужно было тотчас оставить и быть ото всего этого свободным при выполнении задач, стоявших теперь перед каждым из нас. И я оставил свои тетрадки, наброски, записи, намерения и планы. Мне тогда и в голову

не пришло, что эта моя, прерванная началом большой войны, работа понадобится на войне».

24 июня интендант 2-го ранга Твардовский получил предписание Главного политического управления РККА о назначении его литератором редакции газеты «Красная Армия» Киевского Особого военного округа (позже Юго-Западного фронта).

27 июня Твардовский вместе с поэтами Е. А. Долматовским и Джеком Алтаузенем прибыл в Киев, 28-го доложил о своем прибытии полковому комиссару И. И. Мышанскому — редактору фронтовой газеты «Красная Армия», которая находилась в Проскурове (позже г. Хмельницкий). На первом же совещании он получил задание написать о Днепровской военной флотилии, защищавшей Канев на переднем крае обороны за Днепром.

На пути во флотилию, под налетом «юнкеров» на берегу Трубежа, Твардовский встретился с писателем Юрием Крымовым, сотрудником газеты 26-й армии «Советский патриот». (Еще одна, последняя, встреча с ним произошла под Прилуками, — поэт угваривал друга продвигаться вместе с редакцией «Красной Армии» в Миргород. Однако Крымов остался, чтобы найти редакцию своей газеты, и 20 сентября погиб в бою в Киевском котле.)

Реки Днепровского бассейна стали ареной жестоких боев. Враг рвался к Киеву, и морякам-днепровцам приходилось сдерживать значительные силы немецких войск. Поэт был потрясен гибелью советских матросов, оказавшихся беззащитными под огнем немецких орудий. Из-за непредвиденных последствий поездки в Канев он не дал материал «в номер» и получил выговор от редактора.

Первая его публикация в газете «Красная Армия» Юго-Западного фронта появилась 6 июля. Это было стихотворение «Бей фашистские танки». «Мы все время в движении, — пишет Твардовский Марии Илларионовне. — Здесь все совсем по-другому, это не Финляндия. Работать я еще толком не работал, т.к. редакция требует в первую очередь не стихов, а материала фактического, который дороже всего и труднее его добывать...»

Первыми своими стихотворениями об этой войне он недоволен: «Написал несколько стихов, но все еще очень плохо... Это тяжело, когда чувствуешь, что тут бы слова нужны такие, с которыми на смерть людям идти, а глядишь — стишки, какие мог бы написать и не я, и не выезжая из московской квартиры. Конечно, если буду жив, все возьму — ничего не забуду, но особенно важно было теперь, теперь говорить сильно и волнующе...»

1 августа Твардовский передал в Фонд обороны Родины полученную им за поэму «Страна Муравия» Сталинскую премию — 50 тысяч рублей (эти деньги хранились в сберкассе как неприкосновенный запас семьи). В письме, посланном жене с оказией, он написал: «Ты, наверно, знаешь, что премию я отдал в Фонд обороны. Я не мог с тобой переговорить предварительно, но я был абсолютно уверен, что ты это одобришь... Дорогая, это — боевой самолет, а как они здесь нужны, я имел возможность убедиться...»

Семья поэта — Мария Илларионовна и дочери, девятилетняя Валя и совсем маленькая Оленька, родившаяся 28 января 1941 г., — к этому времени была эвакуирована вместе с другими писательскими

семьями в Чистополь. Вначале казалось — ненадолго, даже теплых вещей не взяли...

О себе поэт сообщал в Чистополь: «Я пишу довольно много. Стихи, очерки, юмор, лозунги и т. п. Работа, говорят, хороша. <...> В центральную печать редко передать удастся что-нибудь... Я об этом не тосковал бы, но мне хотелось бы, чтоб ты хоть изредка могла видеть мое имя в печати, а значит, и знать обо мне, что я, как говорится, жив-здоров...» Его противостояние с редактором продолжалось. Тот требовал положительных корреспонденций с боевых позиций, с чем не соглашался Твардовский, не умевший лукавить и выдавать желаемое за действительное.

Работа в редакции сводит Твардовского с поэтами Андреем Малышко, Миколой Бажаном, Александром Безыменским, Саввой Головановским, Сергеем Вашенцевым и другими. Он начинает выступать на радио, читает свои военные стихи.

В конце августа Твардовский встретился с Аркадием Петровичем Гайдаром, с которым сблизился еще в 1940 г. Это была его последняя встреча с автором «Тимура и его команды» (26 октября Аркадий Гайдар погиб в бою под деревней Леплява Каневского района).

В сентябре поэт чуть было не попал в плен, о чем много позже рассказал В. Лакшину, а тот записал: «Редакция газеты Юго-Западного фронта, в которой он работал, размещалась в Киеве. Приказано было не покидать город до последнего часа... Армейские части уже отошли за Днепр, а редакция все еще работала... Твардовский спасся чудом: его взял к себе в машину полковой комиссар, и они едва выскочили из смыкавшегося кольца немецкого окружения».

Осенью 1941 г. Твардовский работал над стихотворениями о казаке Иване Гвоздеве — воронежском лихом кавалеристе — для сатирической рубрики «Прямой наводкой». В эти дни он пишет жене: «Работаю я по-прежнему неплохо, много у меня берет сил “Иван Гвоздев” — это Теркин на новом этапе. Гвоздева этого начали без меня (молодой поэт Борис Палийчук), но мне пришлось им заняться, и не могу бросить: во-первых — не велят, а во-вторых, без меня его страшно снизят... У “Гвоздева” дикая популярность в частях. Все — от бойца до генерала — чтение газеты начинают с “Прямой наводки”».

В эту пору Твардовский переживал сложные чувства. Поэт верил, что, несмотря на отступление наших войск, враг будет побежден, что его «внешние успехи» — «уже не его воля, а воля неизбежности», что, может быть, «он вырвется и еще дальше, но все это ведет его только к концу». «...Не в письме рассказывать о том, что довелось видеть и т. п. при совершении “драп-кросса” из Киева, — пишет он из Харькова 9 октября. — Не все мы вышли. Много осталось где-то в лесах, а то в плену или убитыми и ранеными. Но ничего. Немцев побьем-таки, в этом я уверен, несмотря на все горькие и обидные вещи, которые приходилось наблюдать...» И рядом с этой верой — неизбывные, мучительные вина и стыд: «Когда-нибудь, когда наши войска будут гнать немцев, мы позволим себе вслух сказать, какая страшная, угнетающая душу весть — отступление... Но пока что я должен находить в себе силы для ободряющего слова, это слово, которое либо заключенной в нем доброй шуткой, либо душевностью своей согревает чуть-чуть, расшевеливает то инертное, тягостное безразличие,

которое незаметно уживается в сознании усталого от боев и тягот человека. А каких слов он стоит, этот человек! Иногда мне кажется, что если б у меня нашлись такие слова, то было бы полностью оправдано мое пребывание здесь и я мог бы с уверенностью сказать, что я воюю. А так нет-нет и защежит стыд перед теми, с кем вижусь от времени до времени и покидаю их, спеша заключить в строчки полученное от них... <...> О чем бы я ни думал, я вновь возвращаюсь к мысли о нем, об Иване, на плечи которого свалилась вся страшная тяжесть этой войны...»

Твардовский работает над фельетонами о деде Даниле, которые тоже пользовались большой популярностью, участвует в подготовке сатирического еженедельного приложения «Громилка» (1-й номер вышел в свет 30 ноября).

1 декабря в письме в Чистополь поэт упоминает о стихотворении, созданном еще в 1940 г., по впечатлениям финской кампании: «Когда на днях читал восстановленную по памяти “Гармонь”, которая когда-то казалась мне слабой, почувствовал, что потом я напишу раз в 100 лучше. Сейчас же пишем все подряд: сатира, главным образом. Кое-что удастся начать посерьезней, но только наброски...» («Посерьезней» — это очерки о героях и стихотворения, за каждым из которых «памятное... живое фронтовое впечатление, факт, встреча»: «Сержант Василий Мысенков», «Когда ты летишь», «Рассказ танкиста», «Бойцу Южного фронта» и др.)

Твардовский стал одним из любимых и самых читаемых в армии поэтов, но он постоянно сомневался в том, что «действительно нужен людям, несущим эти невероятные тяготы и испытания войны»: «...чувство

неудовлетворенности всеми видами нашей работы в газете постепенно становилось для меня личной бедой. Приходили мысли и о том, что, может быть, не здесь твое настоящее место, а в строю: в полку, в батальоне, в роте, где делается самое главное, что нужно делать для родины».

В январе 1942 г. приказом заместителя начальника политуправления Юго-Западного фронта бригадного комиссара Н. Федорова «поэт Твардовский А. Т. командирован в Москву на совещание писателей».

Пленум Правления Союза писателей состоялся 26–27 января, а в ночь на 28 января Александр Трифонович вылетел в Чистополь, чтобы навестить семью и отпраздновать первый день рождения дочери Олечки. С родными Твардовскому удалось провести два счастливых дня. Возвращаясь на фронт через Москву, он успел сдать в Военгиз книжечку «Два бойца», опечатать квартиру, захватить из дома тетрадь с «финскими» набросками поэмы, работа над которой была прервана в июне 1941 г. Мария Илларионовна вспоминала: «То, что он заглядывал в эту тетрадь, использовал некоторые теркинские мотивы и даже напечатал кое-что в “Красной Армии”, не могло не способствовать последующему решению продолжать “Теркина”, принятому уже на Западном фронте...»

В феврале Твардовский работал над поэмой «Легенда о Москве» (позднее «Баллада о Москве»). Она была опубликована в «Красной Армии» 23 февраля с авторским пояснением: «В основу этого сказания о победе под Москвой положена легенда, записанная от крестьян деревни Чернава Курской области». (Получив вырезку с публикацией в марте, Мария Илларионовна напишет, без обиняков, что ожидала

большого: «...плохих стихов нет, плохих строф — нет, много хороших мест, в целом не плохо, но не то, что думалось...»)

25 февраля поэт направлен с редакторским заданием в 836-й стрелковый полк Горьковской (160-й) стрелковой дивизии, входившей в 40-ю армию, которая вела бои на курском и белгородском направлениях. В войсках он провел почти месяц.

В марте поэта утвердили в звании старшего батальонного комиссара (3 шпалы), равнозначном подполковнику. 20 апреля Твардовский отозван из Воронежа в Москву в распоряжение начальника Управления кадров Главного Политического Управления РККА для нового назначения. В период вынужденного ожидания он увлеченно работал: завершил «Балладу о товарище», внес правку в «Легенду о Москве», планируя эти произведения включить в сборник «Баллады Отечественной войны», задуманный им как итог десятимесячной работы в газете «Красная Армия». Тем временем в ПУ РККА из редакции пришла характеристика на Твардовского, содержание которой его возмутило; в объяснительной записке на имя начальника отдела печати ПУ РККА, бригадного комиссара А. Баева поэт опроверг «наветы», основанные на личной к нему неприязни.

Пока решался вопрос о новом месте работы («Красная звезда» или фронтовая газета), ему было решено выехать в Чистополь по семейным обстоятельствам (4–10 июня). По возвращении в Москву старший батальонный комиссар Твардовский получил назначение в газету Западного фронта «Красноармейская правда». 18 июня, среди записей о впечатлениях последних дней, появляется и такая:

«...Сплошное огорчение и радостная находка — возвращение к мысли о продолжении поэмы о Василии Теркине. Как война самое себя отодвинула! Не заговори Слободской о своей мысли написать такую книгу — не пришло бы в голову вернуться к финским наброскам. А тут уж стало обидно. Я два года назад задумал и начал то, что людям теперь только пришло». 20-го за ним прислали машину. Твардовский приехал в редакцию, но, так как ему дали пять дней на устройство дел, вернулся в Москву. В эти пять дней, как сообщал поэт в письме Марии Илларионовне, он взялся за «финские» наброски — «и пошло, пошло»: «Когда я отделявал “Переправу”, еще не знал, что впрягуюсь в поэму, и потом все сильнее втягивался, и вскоре у меня было уже такое ощущение, что без этой работы мне ни жить, ни спать, ни есть, ни пить. Что это мой подвиг на войне».

22 июня поэт выступил на заседании Военной комиссии Союза писателей СССР с отчетом за минувший год и чтением стихотворений «Баллада о товарище», «Баллада об отречении» и глав из «Василия Теркина». На обсуждении было признано, что Твардовский «сделал один из лучших и поучительных творческих отчетов», что «появление поэмы “Василий Теркин”» — значительное литературное событие. «Известия», «Правда» предлагали печатать еще не написанное произведение.

29 июня поэт отправился к месту назначения. «Он пришел в газету Западного фронта “Красноармейская правда”, — вспоминал художник О. Г. Верейский, — уже известным писателем. И хотя многие из нас, сотрудников фронтовой газеты, не читали еще ни “Отцов и прадедов приметы...”, ни “Песни о полковом знамени”,

а некоторые даже и “Страны Муравии”, слава тридцатидвухлетнего поэта докатилась до нас задолго до знакомства с ним. Ждали его с нетерпением. Многие из служивших в редакции знали Твардовского по финской войне, но и те, кто, как оказалось потом, не видели его ни разу, рассказывали массу удивительных и маловероятных подробностей его биографии, характера, быта: такова — увы! — оборотная сторона известности. <...> Он был удивительно хорош собой. Высокий, широкоплечий, с тонкой талией и узкими бедрами. Держался прямо, ходил расправив плечи, мягко и пружинно ступая, отводя на ходу локти, как это часто делают борцы. Военная форма ему очень шла. Голова горделиво сидела на сильной шее, мягкие русые волосы, зачесанные назад, распадались в стороны, обрамляя высокий лоб. Очень светлые глаза его глядели внимательно и строго. Подвижные брови иногда удивленно приподнимались, иногда хмурились, сходясь к переносью и придавая выражению лица суровость. Но в очертаниях губ и округлых линиях щек была какая-то женственная мягкость. Несмотря на удивительную молоджавость, он выглядел и держался так, что никому и в голову не приходило на первых порах называть его Сашей, как это было принято у нас и как некоторые звали уже его за глаза задолго до первой встречи».

8 июля Твардовский пишет жене, что отправлен в Москву в командировку до 1 августа «для выполнения спец. задания», — иными словами, для работы над поэмой». «Мне сейчас понятно мое тяжелое настроение всех этих месяцев, — поясняет он во втором письме, отосланном в тот же день. — Это было сознание того, что я делаю не то, не главное, не то, что должен делать

именно я. А сейчас у меня именно это чувство. Я пишу, как я хочу, и знаю, что без всякой дидактики штука эта будет очень нужна и полезна. И люди, услышавшие первые ее отрывки (по существу, прошлогодние, лишь обновленные сейчас), все почувствовали что-то и все кругом хотят этой книги».

Через неделю он сообщает: «...Завтра-послезавтра закончу еще одну новую главу (II). Всего на этот срок я планирую две-три главы, что сразу составит нечто вроде первой части, что уже можно будет печатать. <...> Я уже знаю себя — мне не вредит чтение набросков, полезно возвращение к одному и тому же по несколько раз и т. д. Поэма нужна до зарезу. Все происходящее обязывает напрячь все силы, делать свой “подвиг”».

15 августа он посылает «Теркина» Марии Илларионовне: «Ты будешь, конечно, разочарована, увидев эти подновленные прошлогодние стихи и несколько новых глав без единой сюжетной рамы, без людей, судьба которых последовательно проводилась бы в книге. Я прошу прощения, что называл это (за недосугом выбрать другое жанровое обозначение) “поэмой”. <...> “Теркина” ты почитай сосвежа, поразмысли над ним. Всему буду благодарен, что скажешь. Ибо через некоторый период времени придется к нему так или иначе возвращаться».

«Перемещение героя из обстановки финской кампании в обстановку фронта Великой Отечественной войны сообщило ему совсем иное, чем в первоначальном замысле, значение» (А.Т.). Герой перестал быть условной фигурой «необыкновенного» человека и стал доступнее и проще, олицетворяя собою весь воюющий народ. Представляя его читателю в первой главе, поэт пишет:

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень, хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный...

Иначе автор стал именовать героя: теперь это не Вася, а Василий Теркин.

Изменились и характер поэмы, ее философия, ее композиция, жанр, для которого позже Твардовский подобрал такое обозначение, как «книга про бойца». «...Первое, что я принял за принцип композиции и стиля, — отмечал Твардовский в статье “Как был написан Василий Теркин”, — это стремление к извест-

ной законченности каждой отдельной части, главы, а внутри главы — каждого периода, и даже строфы. Я должен был иметь в виду читателя, который хотя бы и незнаком был с предыдущими главами, нашел бы в данной, напечатанной сегодня в газете главе нечто целое, округленное. Кроме того, этот читатель мог и не дождаться моей следующей главы: он был там, где и герой, — на войне. Этой примерной завершенностью каждой главы я и был более всего озабочен. Я ничего не держал про себя до другого раза, стремясь высказаться при каждом случае — очередной главе — до конца, полностью выразить свое настроение, передать свежее впечатление, возникшую мысль, мотив, образ. Правда, этот принцип определился не сразу — после того, как первые главы “Теркина” были напечатаны подряд одна за другой, а новые потом уже появлялись по мере написания. Я считаю, что правильным и во многом определившим судьбу “Теркина” было мое решение печатать первые главы до завершения книги».

Первая публикация «Василия Теркина» состоялась в номере «Красноармейской правды» за 4 сентября 1942 г., где были напечатаны вступление («На войне в пыли походной...») и 1-я глава, «На привале». Далее — 5, 6, 8, 9, 10, 11 сентября — были опубликованы главы: «Перед боем» (2), «Переправа» (3), «Теркин ранен» (4), «О награде» (5), «Гармонь» (6), «В избе солдата» («Два солдата») (7). Затем эти главы были перепечатаны в журнале «Знамя» (№ 9). 20 сентября появилась публикация в газете «Правда» с примечанием «Продолжение следует».

Теперь Твардовский уверовал в необходимость и полезность своего поэтического труда: «С того

времени как в печати появились главы первой части “Теркина”, он стал моей основной и главной работой на фронте. Ни одна из моих работ не давалась мне так трудно поначалу и не шла так легко потом, как “Василий Теркин”. Правда, каждую главу я переписывал множество раз, проверяя на слух, подолгу трудился над какой-нибудь одной строфой или строкой. <...> А сколько было написано строк, переправленных десятки раз только затем иногда, чтобы выбросить их в конце концов, испытывая при этом такую же радость, как при написании новых удачных строк».

Появление «Теркина» в газете вызвало поток писем в редакцию. Многие читатели-фронтовики были уверены, что Василий Теркин — не вымышленный образ, а реальный человек, и спрашивали, где автор с ним познакомился, как проходит его дальнейшая служба. Позже, в своем ответе читателям «Как был написан “Василий Теркин”», Твардовский пояснял: «Василий Теркин, каким он является в книге, — лицо вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии. И хотя черты, выраженные в нем, были наблюдаемы мною у многих живых людей, — нельзя ни одного из этих людей назвать прототипом Теркина. Но дело в том, что задуман и вымышлен он не одним только мною, а многими людьми, в том числе литераторами, а больше всего не литераторами и в значительной степени самими моими корреспондентами. Они активнейшим образом участвовали в создании “Теркина”, начиная с первой его главы и до завершения книги, и поныне продолжают развивать в различных видах и направлениях этот образ».

На Всесоюзном радио главы из «Василия Теркина» читали диктор Юрий Левитан и артист Дмитрий Орлов. В газете «Литература и искусство» в статье «Образ русского воина» отмечалось: «Первое чувство, какое вызывает поэма Твардовского, — радость. Радость — потому, что совсем неожиданно появился у тебя и у твоих фронтовых товарищей единственный в своем роде, неунывающий, простой и верный друг. Он будет надежным, милым спутником на трудных дорогах войны». «Поэма Твардовского покоряет своей естественностью, глубочайшей правдивостью, честностью и простотой... Прочитайте поэму — перед вами предстанет живая душа воюющего народа», — писал Даниил Данин.

1 октября в «Красноармейской правде» печатается новая глава — уже из 2-й части поэмы («О потере»), в октябре и декабре — еще несколько глав.

В одном из писем этого времени Твардовский поделился с женой дальнейшими планами: «Вторая часть “Теркина” будет строиться примерно так, что будут идти попеременно главы о войне и мирной жизни. Вообще в этой второй части так или иначе будет уделено большое место миру, прежней жизни героя и т. п. Думаю, что так именно нужно идти. Люди, воюющие второй год и которым предстоит еще неизвестно сколько воевать, определяют сейчас стиль и характер моего сочинительства, а они, эти люди, не единственно своим сегодняшним днем живут. Даже больше того: они больше хотят того, что позади — мирная жизнь, родные места, оставшиеся где-то семьи, работа; и быт их сегодняшний для них еще не поэзия, а поэзией станет потом, после войны, а поэзия для них то, что год-полтора назад было бытом. К тому же в поэме

уже дано войны порядочно. Итак, вещь, не потеряв своего актуального военного смысла и звучания, будет сюжетно и всячески значительно расширена в сторону невоенной жизни».

В поэме ни слова не было о роли партии, не упоминалось имя Сталина, отчего возникли сложности в отношениях с некоторыми представителями руководства. Поэт пишет жене 20 ноября: «...дело сейчас и в том, как окончится противнейшая возня с “Теркиным”. Ходят какие-то слухи, что в Политуправлении говорят о том, что в ЦК (а не в ПУ) читают поэму, имеют замечания. Все так глупо и обидно, что во мне все клокочет. Я вынужден действовать, стучаться куда-то, хлопотать, — о чем — неизвестно. Все это как раз в тот момент, когда начата работа над второй частью».

В ноябре Твардовский вновь был вызван в Москву, в ЦК состоялась встреча с заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК А.А. Пузиным. 21 ноября поэт сообщал Марии Илларионовне, что ему указали «на ряд мест (всего строк 8–12)», с которыми он «не придумал ничего лучшего сделать, как только изъять хирургически»: «Дело-то все-таки идет о целой книжке. А местечек-то жалко. Вот они, строфа:

1. Спи, солдат. При жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному.

Дескать, получается так, что у нас народ трудно жил до войны.

2. И о смерти, кто обвык,
Так примерно судит:
Многих наших нет в живых,
Что ж, и нас не будет...»

Первое отдельное издание «Василия Теркина» (Библиотечка газеты «Красноармейская правда», выпуск 16) было подписано к печати 25 ноября 1942 г., в него вошли вступление «От автора» и десять глав.

Работа над «Теркиным» продолжалась. 17 декабря Твардовский писал Марии Илларионовне: «...сiju над второй частью, уже есть вступление (посланное тебе) и 4 новые главы. На днях ты их услышишь по радио. “Идет” на редкость хорошо, помех покамест, кроме житейских, нет. Думаю поднажать как следует, чтоб в январе (!) закончить вторую часть...» В следующем письме поэт сообщал: «...меня торопят, мне дали свободу (до сих пор так было с самого октябрьского праздника) от всех других обязанностей, но меня подгоняют, ибо читатель требует в письмах и устно продолжения. Но более всего я сам рвусь к работе. <...> Пишется, боюсь сглазить, очень хорошо. Я уже пишу шестую главу второй части. Это — считая со вступлением. Я сiju над одной, она идет, а на заднем плане сознания у меня уже то, что впереди».

Накануне Нового, 1943, года Твардовский пишет в Чистополь: «О “Теркине” вообще могу сказать, что он приобретает все больше читателей и почитателей. <...> И страшно подумать, что не пошли меня начальство в “Красноармейскую правду”, я бы, может быть, и не написал бы этой книжки. Ведь, как ты помнишь, я уже наметил было старые главы к использованию

в виде отдельных стихов. Опять — нет худа без добра. Сейчас мое положение сказочное: сижу и пишу то, что хочу писать, и это — моя служба». 28 декабря он делает пометки в рабочей тетради: «Хороший день. Пришла в голову “Новогодняя глава”, приятно перебивающая повествование о Теркине за линией фронта».

В январе 1943 г. поэт читает по радио «все, что... получается нового». Главы поэмы публиковались во всех центральных газетах.

15 февраля 1943 г. А. Т. Твардовскому было присвоено воинское звание «подполковник». Политуправление фронта прислало в подарок новое обмундирование и хромовые сапоги.

В марте автору казалось, что вторая часть поэмы близка к завершению, но увидел необходимость в доделке некоторых глав.

23 марта А. Т. Твардовский был откомандирован на две недели для устройства семьи в Чистополь, где тогда обосновалась в эвакуации большая писательская колония (несколько десятков писателей и семьи писателей-фронтовиков). 5 апреля, вместе с М. В. Исаковским и Б. Л. Пастернаком, он выступал на вечере «Писатели — Сталинграду» в городском театре Чистополя. Здесь поэт с большим успехом прочел «Переправу».

Поддержка читателей имела важное значение для автора, решившего писать новые главы «Книги про бойца»: «С первых читательских писем, полученных мною, я понял, что работа моя встречена хорошо, и это придало мне сил продолжать ее. Теперь уже я не был с нею один на один: мне помогало теплое, участливое отношение читателя к ней, его ожидание, иногда его “подсказки”: “А вот бы еще отразить то-то

и то-то”... и т. п. <...> Читатель-фронтовик, которого я за время нашего очного и заочного, через страницы печати, общения привык считать как бы своим соавтором — по степени его заинтересованности в моей работе, — этот читатель со своей стороны также считал “Теркина” нашим общим делом».

Однако, сетовала Мария Илларионовна, «двойственность высказываний о поэме Твардовского, исходивших из литературных кругов... усиливала настороженное отношение к Теркину военной бюрократии». Она имела в виду выступление А. А. Фадеева 31 марта 1943 г. в Союзе писателей на обсуждении его доклада о литературе Отечественной войны, где он заявил, что любит поэму Твардовского «Василий Теркин», но она «нуждается в критике», «характер Теркина, в общем, не развивается и стоит на месте». Н. Н. Асеев сказал, что произведение Твардовского «могло бы относиться ко всякой другой войне — нет здесь особенностей нашей войны».

А. А. Пузин предложил новые сокращения поэмы в книге, готовившейся к выходу в издательстве «Молодая гвардия», а когда он занял руководящий пост во Всесоюзном радиовещании, с эфира были сняты выступления Д. Н. Орлова с монтажом из глав «Книги про бойца». Не допускался к микрофону с поэмой и ее автор. Твардовского призывали усилить политическую и идеологическую сознательность Теркина. Психологическое давление номенклатуры порой вызывало у поэта сомнения: сможет ли он завершить «Теркина» так, как задумал?

Новые поездки по фронту дали и новый материал. Тяжелое ранение Теркина в конце главы «Наступление», законченной вчерне 23 апреля, «означало

для автора завершение еще одного этапа “Книги про бойца” и возможность некоторой передышки, которую он использовал для дополнительной работы над уже напечатанной второй частью, чтобы поместить ее потом в журнале “Знамя” (1943, № 9–10)» (А. Л. Гришунин).

23 мая Твардовский в письме в Чистополь замечает, что «Геркин должен отдохнуть», что возвращается к работе над «новой штукой», два «отрывочка» которой уже посылал (поэма «Дом у дороги»): «Это будет, не знаю еще, какая штука, но пишется от сердца...»

В 1943 г. Красная Армия одержала ряд побед в великих битвах и наступала, очищая от врага все новые территории родной страны. В сентябре были освобождены Починок, Сельцо, Загорье. Вместе с конниками поэт входил в родные места — Ляхово и пустошь Столпово. Он занимается поисками своих родителей, брата Павла и сестер Анны и Марии, чтобы устроить их в освобожденном Смоленске, пишет очерк «На пути к Смоленску», готовит текст письма Сталину от смолян. Этой же осенью скульптор Сарра Лебедева завершила работу над портретом Твардовского (ныне мраморный бюст поэта находится в Третьяковской галерее).

Авторские объявления об окончании первой, а потом и второй части вызвали протестующие письма читателей, жаждавших продолжения “Геркина”: «Ваша поэма закончена, а война продолжается» (А. Л. Гришунин).

4 декабря Твардовский пишет супруге: «Живу я, дорогая моя, трудолюбиво, но не очень весело. Работал над той штукой, которую назвал (совершенно условно) “Дом у дороги”. Работал и над “Геркиным”. Вот уже есть вступление и почти вчерне первая (боль-

шая) глава. Но смутно я ею недоволен». 7-го добавляет: «Чувствую, что придется действовать на два фронта: Теркин и Дом. Ни одна вещь меня не отпускает. Если будет идти дело так, как предполагается, т. е. буду продвигаться с одним и другим — никакие внешние огорчения не сломят меня».

А огорчения были: «Теркина» не только прекратили читать на радио, но и отодвигали запланированные ранее издания, редактор фронтовой газеты предложил заканчивать с поэмой. Книгу и не запрещали, и не выпускали. В середине декабря Твардовский едет в Москву и оставляет в приемной Г. М. Маленкова письмо о том, что не может «окончить книгу независимо от собственного... плана» и что ничего не может ответить на многочисленные письма фронтовых читателей с вопросом, где можно «целиком достать эту книгу». Поэт считал, что с его стороны «неправильно... молча переживать... непонятную несправедливость к работе, которая успела приобрести некое общее значение», что имеет «право знать, чем она нехороша, если есть о ней такое мнение». Он просил «уделить Теркину немного внимания»: «Либо все это прояснится и его наконец издадут, либо я по крайней мере буду знать масштабы несчастья, постигшего меня».

3 января 1944 г. в Смоленске Твардовский набрасывает в рабочей тетради начало главы «Теркин на том свете»:

В установленном порядке
Получив прямой билет,
Без единой пересадки
Теркин прибыл на тот свет.

Сказка — выдумка, понятно,
Где там, что там он — тот свет.
Нет разведчиков обратно, —
То и данных в штабе нет...

Поэт планировал ее вскоре завершить, однако это не удалось ни в 1944 г., ни в 1945...

В этом же месяце Твардовский занимается подготовкой новой книжечки «Фронтовой хроники». Вскоре он был откомандирован в Москву для участия в IX пленуме Правления Союза писателей, который прошел 5–9 февраля. С докладом «Советская литература в дни войны» выступил секретарь Правления СП Н.С. Тихонов. В обсуждении доклада приняли участие В. Вишневский, Б. Горбатов, Л. Соболев, К. Федин, А. Сурков и другие. О поэме «Василий Теркин» ни в докладе, ни в выступлениях писателей не упоминалось, лишь А. Сурков назвал ее в ряду произведений о войне.

В Москве и по возвращении в часть Твардовский в основном работал над главами «Дом героев» («Отчий край», окончательное название — «Над Днепром») и «Теркин и смерть» (вошла в поэму под заголовком «Смерть и воин»).

В марте А. Т. Твардовский принял участие в совещании у Председателя Совета Народных Комиссаров А. Н. Косыгина о создании Гимна РСФСР. Поэт представил написанный в соавторстве с М. В. Исаковским вариант текста, в котором были использованы строки стихотворения «Россия», опубликованного в «Красноармейской правде» в 1943 г.

Первые главы третьей части появились в журнале «Красноармеец» в апреле и мае 1944 г. 23 мая началась

публикация этой части в «Красноармейской правде». «Редакция предварила ее специальной передовой статьей, не имеющей прецедента во всей фронтовой печати» (А. Л. Гришунин). Написать в передовой о Теркине предложил сотрудник «Красноармейки» Е. З. Воробьев, и новый редактор газеты, подполковник Яков Михайлович Фоменко, согласился. Вот строки из передовой, подготовленной Воробьевым: «4 сентября 1942 г., когда в “Красноармейской правде” была напечатана первая глава поэмы Александра Твардовского “Василий Теркин”, Советское Информбюро сообщало, что немцы рвутся к Сталинграду. В тяжкий для Родины час появился Василий Теркин, труженик-солдат, с горячим сердцем, с народной сметкой и хитрецей, мастер на все руки и мечтатель, влюбленный в свою родную землю, святой и грешный чудо-человек. <...> Василий Теркин — литературный герой. Его создал поэт. Но такова сила настоящего искусства слова, что он стал для нас, для всех читателей живым и подлинным человеком, у которого учатся, слова которого повторяют, которому хотят подражать...»

С санкции командующего Западным фронтом И. Д. Черняховского поезд редакции был направлен на станцию Тишино, за Смоленск, поближе к войскам, готовившим операцию по освобождению Белоруссии. Твардовский принял участие в посевной кампании соседнего с Тишином колхоза. Он несколько раз выступал перед тружениками, читая главы из «Василия Теркина» и «Дома у дороги».

В начале июня, во время командировки в 5-ю армию Западного фронта, поэт сделал новые наброски: «...писать буду главу о посещении Теркиным

солдатки, это будет напоминать главу “Перед боем”. В ней, в этой главе, мне хочется сказать много всякого о войне, которой три года, и т. п.». Но она не была завершена и публиковалась в журнале «Знамя» уже после войны как стихотворение «На походе».

14 июня Твардовский и Слободской побывали в 1-й воздушной армии. Ее командующий, генерал-полковник авиации М. М. Громов, вспоминал о выступлении Александра Трифоновича: «...собрались мы на большом привале, и не автор речь ведет, а со страниц поэмы сошел на сцену сам Василий Теркин — стройный, гибкий, элегантный. И не подполковник он, а рядовой солдат войны, мнимо простоватый балагур, в сущности, подлинный русский богатырь. Короткой и задушевной была эта встреча».

В конце месяца Твардовский был направлен сначала в Витебск, куда он входил, когда еще шел бой, а затем в освобожденный Минск.

На передовой поэт записал в рабочей тетради: «...Настроение у меня среднее, порой плохое... Хоть бы мне немного радости, хоть бы выход книжки — я бы, может, воспрянул бы, а так из самого себя без конца — трудно... <...> Третья часть, кроме “Смерти”, меня сейчас все более расстраивает. Я уже абсолютно уверен, что “офицером” Теркина делать нельзя... Теркин с принятием “офицерства” утрачивает главное в нем: свободу души, речи, поведения, характера. А без этого — ему 15 коп. цена».

В июле поэт по заданию редакции в походном порядке перемещается с места на место — дер. Панское (близ Борисова), пос. Лагойск (близ Минска), дер. Заскевичи, пос. Вока (близ Вильно). В письмах жене сообщает: «Живу — 500–600 километров в сутки туда-

обратно, пишу в таких условиях, что трудно требовать чего-либо доброго, но настроение хорошее, мне довелось видеть то, о чем можно было только мечтать: успех такой, что он на лице каждого солдата... <...> Я в бездне новых ощущений, мне бы только время и место, только бы приземлиться, я бы мог писать все — и “Геркина” (заключительные главы), и “Дом у дороги”, ему вдруг нашлось развитие и сюжет — простой и сильный, и стихи разные, и очерки, и даже рассказы».

6 июля подполковник А. Т. Твардовский был представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени.

«Чуждый край краснокирпичный...»

Долгих три года пришлось защитникам Отечества идти смертоносными дорогами войны, чтобы освободить всю занятую врагом территорию необъятной Родины.

В августе 1944 г. войска 3-го Белорусского фронта вышли на подступы к границам государства, развязавшего войну.

Новое редакционное задание Твардовского было связано с поездкой в 11-ю гвардейскую армию. (Позже 11-я армия примет участие в Восточно-Прусской наступательной операции, в том числе в штурме Инстербурга, где Твардовский будет находиться и в командировках по заданию редакции «Красноармейской правды», и вместе со всей редакцией). Марии Илларионовне Твардовский пишет об этой поездке (письмо от 7–11 августа): «...воротился из командировки,

думал вступить на границу с В[осточной] Пруссией, был близко, но все же не вступил пока еще. Война подходит к рубежам, на которых немцы становятся вдвое-втрое зубастей».

В эти дни судьба Твардовского могла измениться: 15 августа его вызвали в Москву в связи с предполагаемым назначением членом редакционной коллегии журнала «Знамя» (он должен был возглавить отдел поэзии), которое так и не состоялось.

22 августа в рабочей тетради поэт делает новые наброски к «Теркину»:

И ползешь ты где-то, Теркин,
Под огнем лежишь ничком
В старомодной гимнастерке
С отложным воротничком.

Будет время, смолкнут пушки
И, пожалуй, нас с тобой
Вспомнит где-нибудь в пивнушке
С рукавом пустым герой.

Строчки вслух переиначит,
Переверет и оборвет
И над кружкой заплачет
И медаль, гляди, проплет.

3 сентября Твардовский уже был в Каунасе, где находилась редакция «Красноармейской правды». По словам Марии Илларионовны, он начал было думать о «закруглении» «Теркина», и даже подготовил новый, расширенный вариант заключительной главы:

поэма замалчивалась, придерживалась «до поры» в издательствах, что «заставило автора сомневаться в необходимости своей работы».

4 сентября Твардовский снова обращается к «Дому у дороги»:

Где ты, один из тех солдат,
Что от семьи своей
Три лета, три зимы подряд
Не слышали вестей.
Где ты, боец немолодой,
Что, подводя итог,
Себя солдатом-сиротой
Считать не в шутку мог...

В это время «Геркин», вышедший в Военгизе тиражом 300 тысяч экземпляров, стал появляться в войсках.

В середине сентября поэт ездил в Смоленск, где отмечалась годовщина освобождения от фашистских захватчиков. Там записал в рабочей тетради: «Наши за Шешупой. Впервые они оказались на чужой земле...» (17 сентября). Эти записи лягут в основу очерка «С дороги» (подробнее об очерках — в главе «Родина и чужбина»).

26 сентября в Каунасе он наметил план книги «Поездка в Загорье».

В начале октября, накануне Гумбиннен-Гольдапской наступательной операции, А.Т. Твардовский выехал в стоявшую в резерве неподалеку от границы 220-ю стрелковую дивизию 31-й армии 3-го Белорусского фронта и выступил на слете сержантов. В передовице дивизионной газеты «Вперед к победе!» (1944,

10 октября) об этом событии писали: «Поэт был самым желанным нашим гостем, воины горячо аплодировали и просили читать еще и еще». Эта поездка в части поднимает ему настроение: «...Хорошее в том, что почувствовал необходимость и охоту продолжать Теркина...» (записи от 15 октября).

16 октября войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии И. Д. Черняховского перешли в наступление. 17 октября был взят город Ширвиндт (ныне пос. Кутузово Краснознаменского района). Вскоре там побывал и Твардовский. Евгений Воробьев вспоминал: «Мне довелось вместе с ним в первые часы пересечь границу Восточной Пруссии перед городом Ширвиндтом. Речка Шешупа с неподвижной пепельной водой. В низком, задымленном небе над Ширвиндтом смутно виднелся далекий шпиль — то ли кирха, то ли городская ратуша. Свежеотесанный черно-белый столб с надписью “Германия” в первые же часы был испещрен автографами. В дело пошли и уголек, и кинжал, и штык, и чернильный карандаш. Все торопились проехать через границу, воочию увидеть фашистское логово. А Твардовскому хотелось подольше постоять у пограничного столба, поглядеть, как бойцы переходят, переезжают через границу. Настороженно вглядывались вперед — доведется ли нам вернуться на Родину?» Позже заметки тех дней войдут в очерк «Из записной книжки» («Красноармейская правда», 1945, 1 января):

«Город Ширвиндт, жестоко размолоченный прошедшими боями и до сих пор обстреливаемый немцами из дальнобойной артиллерии, — один из первых пунктов, занятых нами на немецкой земле. <...> Разрушенный город вывозят на дороги и вбучивают

в раскисшие колеи, в трясины объездов, в колдобины и ямы прифронтовых шоссе. Иного материала для починки дорог здесь, на немецкой земле, нет!

— Дружно! Разом! — подает команду пожилой солдат с подоткнутыми под ремень полами шинели. — Нажмем!

Несколько бойцов, упираясь плечами в остаток стены, с грохотом обрушивают его внутрь бывшего дома.

— Ломать — не строить, — говорит пожилой, как бы смущенный тем, что его застали за таким делом. И выражено в одной этой короткой фразе все: и законное торжество победителя, и презрение к немцу. И горечь понесенных родной землей потерь. И дума о будущем, и тоска труженика-строителя по настоящей работе, и еще что-то, не менее важное, чего никак отдельно не выразишь».

Осенью 1944 г., помимо Ширвиндта, в Восточной Пруссии было взято еще несколько населенных пунктов, в том числе и Эйдткунен (ныне пос. Чернышевское), где Твардовский тоже побывал (в январе 1945 г. он напишет письмо дочери Вале, в котором пошлет и «случайную фотографию: «Это меня сняли в немецком городе Эйдткунене — теперь он уже в тылу, а тогда немцы были еще совсем недалеко»). Взяв Шталлупёнен (ныне г. Нестеров), советские войска продвинулись почти до Гумбиннена (г. Гусев) и были остановлены упорно сопротивлявшимся врагом. На фронте наступило затишье. В тыл противника засылались разведгруппы, добывавшие более точные данные; советское командование разрабатывало новую операцию.

В ноябре поэта вызвали в Москву. «Третий день — новая тревога и неопределенность — разговор

о «Красной звезде»...» Возвратившись в часть, он снова посещает 220-ю стрелковую дивизию. В дивизионной газете отмечают его успех: «Поэт знакомился с жизнью и бытом воинов, а вечером выступил на собрании бойцов и офицеров, гвардейцы тепло приветствовали любимого поэта».

В декабре Твардовский был введен в состав Все-союзного комитета по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Грибоедова. Его стихи и очерки публиковались в журналах «Красноармеец», «Литература и искусство», «Огонек», в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «Московский большевик», «Гудок». В Ташкенте на узбекском языке вышла в свет книга «Фронтовые стихи».

По ходатайству М. Исаковского и А. Суркова в конце месяца Твардовский вызывался в Москву на доработку Гимна РСФСР. Выехать в столицу к Новому году не удалось, несмотря на телеграмму И. В. Шикина — заместителя начальника Главного политического управления РККА. Два дня простуженный поэт просидел на аэродроме в ожидании погоды, пока не получил приказ сдать билет и возвратиться в расположение части. Мария Илларионовна сама отдавала в производство стихотворение «Возмездие», в которое требовалось внести ряд поправок. «Я все тянула с поправками, ожидая твоего приезда. Но мне поставили срок — Новый год. Второго и третьего я давала эти поправки, отвоеывая все, что можно...» — написала она мужу 7 января 1945 г.

8 января Твардовский выступил с докладом о литературном материале в газете на совещании фронтовых поэтов, созданном Политуправлением 3-го Белорусского фронта в Каунасе, и вернулся в деревню

Рудмяны (район совр. станции Калнаенай, Каунасский уезд, Литва), где остановилась редакция. 9 января он писал жене: «...живу не один. В домике еще два-три офицера, более молодых и шумных, плюс семья 4 души, плюс пишущая машинка, стучащая над ухом. Только и хорошо, когда выйдешь: метель такая же, как у нас, поля в снегу, вокруг-вокруг леса, где множество кабанов, диких коз, волков и т. п. В версте стоит наш поезд, и которую зиму уж я вижу этот унылый состав с радиомачтой, стоящий на пустынном разъезде».

13 января началась Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция. Какое-то время редакция «Красноармейской правды» еще оставалась на приграничной территории Литвы, однако корреспонденты постоянно выезжали на передний край через вновь занятые территории.

Буквально на третий день после штурма Инстербурга, 25 января, в литовской деревне Чиста-Буда (ныне относится к Мариямпольскому самоуправлению Мариямпольского уезда), Твардовский в рабочей тетради пишет о том, что он вновь обратился к Теркину, и набрасывает примерный план заключительной части поэмы:

«“Про солдата-сироту” — написанная вчерне новая главка. За ней будет “Кто воюет на войне”, для которой есть, покамест, одна лишь строфа, шестнадцатая, может быть, по счету и значению:

— Ну, а я не воевал,
Некто молвить вправе.
Я частушки сочинял
О гвардейской славе...

Затем глава о женах и девушках на войне. Затем, может быть, о загранице. Наконец, может быть, и не сейчас — Теркин на том свете. И заключение — первый день после войны:

Светят звезды, ночь ясна,
Чарка выпита до дна».

(Как видим, поэт предполагал, помимо главы «Про солдата-сироту», над которой работал в Литве и во время поездок в Москву, написать еще пять глав.)

Далее Твардовский продолжает записи о впечатлениях последних дней:

«Поездка в Инстербург. Глубокая Германия, а снежные поля, вешки у дорог, работа на стройке мостов, колонны, обозы, солдаты, все, как везде, как в Воронежской степи, как под Москвой, как в Финляндии.

Пожары, безмолвие. То, что могло лишь присниться где-нибудь у Погорелого Городища, как сладкий сон о возмездии. “Россия, Россия...” (Отъезжал на попутке от фронта с покойным Гроховским; горизонт в заревах, грохот канонады, сжалось сердце: Россия, что с тобой делают)...»

В этот же день в «Красноармейской правде» был опубликован очерк «Гори, Германия!», в котором запечатлены картины пылающего, истерзанного войной Инстербурга, взятого штурмом в ночь на 22 января 1945 г. Вот его полный текст:

«Гори, Германия!

Эти слова я услышал в немецком городе Инстербурге, зажженном немцами со всех концов в день его взятия Красной Армией. Их сказал боец-автоматчик,

правофланговый взводной колонны. Колонна приняла вправо, чтобы не ступать по воде, натаявшей на мостовой против дома, дышавшего пламенем из всех окон вверху, витринных проемов в первом этаже и даже из-за решеток полуподвала. Сверху на мокрую мостовую упала горящая головешка. С лихой и как бы ленивой, презрительной ловкостью боец на ходу, не сбиваясь с ноги, носком валенка отбросил головешку обратно в огонь.

— Гори, Германия!

Ему некогда и незачем было ни тушить этот пожар, ни даже смотреть, как горят эти дома, целые ряды теснопоставленных, цельных, вполне сохранных домов почтенного немецкого города. Он шел на выход из него, на запад по Кенигсбергскому шоссе.

А город горел, большой, пустой, обстреливаемый немцами немецкий город. Под низким, мглистым и задымленным небом морозного полудня его зловеще озаренные пламенем улицы казались ходами и переходами какого-то подземелья, преисподней. Длинные, густые космы пламени, там и сям выбившись из окон, схлестывались на наружной стороне простенка, сшибали вывески с назойливыми готическими обозначениями, выбрасывались до середины улицы, стремясь соединиться с огнем, бушующим на противоположной стороне.

Все, — грохот взрывов, и звон стекла, и лязг гусениц, колес, и цокот копыт на главной улице города, — все покрывается слитным, непрерывным, полным какой-то жуткой выразительности ревом огня...

Если правда, что в зрелище пожара есть что-то притягивающее и возбуждающее, то это прежде всего относится к зрелищу горящего вражеского города.

Обыщи душу, загляни в самые далекие, потайные ее уголки, и не найдешь там чувства, похожего на сожаление, на печаль при виде этого грозного уничтожающего действия огня. Горит город, будь он проклят, один из городов страны, наславшей огонь на столько стран и городов, на твой родной дом, на лучшую память твоего детства и юности. Горит город тех, что жгли не только книги и чудесные памятники искусства, не только надругались огнем над трупами замученных, умерщвленных пытками наших людей, но возродили в двадцатом веке в чудовищных масштабах гнуснейшее изуверство сжигания заживо.

Горит город, кругом горит! Занимаются крашеные масляной краской стены комнат, трещит и вспучивается от огня проволочный, туго пригнанный — дощечка в дощечку — паркет, обшивка, обивка.

Горит город, оставшийся целым и сохранным все эти годы войны, живший и красовавшийся, когда не было в живых Смоленска, как города, Чернигова, Вязмы и сотен, а может быть, тысяч городов Европы.

Горит город, в котором подметали улицы, пилили дрова пленники-рабы, люди, лишенные крова на родине и свободы на земле, угнанные из родных мест теми, что родом из этого города, из других таких же городов Германии.

Гори, Германия!

Гори и корчись в огне, в таком самом, каким ты не смогла, но хотела сжечь все живое, честное и радостное на земле. Гори, так тебе и надо! Я не хочу и не стану тебе прощать бедствия и страдания, причиненные тобой мне и подобным мне. Не хочу

и не стану прощать тебе, что ты выжгла и вытоптала целые края моей мирной, свободной Родины. Не хочу и не стану прощать, что ты сгубила столько моих близких и далеких, незнакомых, но дорогих людей моего великого братства; что ты отняла у меня столько лет, бережно рассчитанных для любимого труда, для дела моей жизни, для счастья моей семьи. Не хочу и не стану прощать, что из-за тебя и сегодня миллионы людей не дома, что они несут тяжкий труд и страдания войны.

Гори, проклятая!»

Выразив в столь экспрессивной зарисовке понятные чувства людей, освобождавших за несколько месяцев до того оккупированные фашистами территории нашей страны и потрясенных видом разрушений и пепелищ, Твардовский по прошествии времени включит этот материал в уже упомянутый очерк «За рекой Шешупой», однако снимет остроту пафоса мести, убрав фразы-рефрены «Гори, Германия!», «Горит город...», опустит и название города, чтобы создать обобщенную и вместе с тем трагичную картину, обусловленную проявлением «закона бумеранга войны».

Детали картин, увиденных в Инстербурге, найдут отображение и в художественной ткани главы «По дороге на Берлин» (тропы, связанные с темами «пожар» и «преисподняя»).

В конце января поэт получил от жены письмо с известием о том, что он выдвинут на Сталинскую премию: «Должна тебя поздравить с полным единодушием, которое встретила твоя поэма <Теркин>. Все высказывавшиеся отмечали, что это вещь бесспорная, которая не нуждается в оговорках. Что

она возвышается над всем, что вышло в 1944 г., “как Монблан”».

В ответе Марии Илларионовне от 31 января вместо названия населенного пункта, где расположилась редакция, проставлен только номер полевой почты, но есть указание на то, что теперь место «очередной стоянки» — за рубежом: «...Это письмишко уже оттуда, где недавно жили немцы. Возвращаясь из командировки, мы уже не пересекаем границу». Следовательно, редакционный поезд, в котором размещалась и типография, находился уже на какой-то восточно-прусской станции, а сотрудники редакции были определены на квартиры здесь же или в ближайшем населенном пункте, откуда на специально выделенной машине либо на попутках выезжали на передовую, в расположение той или иной части, за материалом для газеты.

Следует отметить, что в Восточной Пруссии в свое время была создана разветвленная железнодорожная сеть. Железнодорожное сообщение здесь было открыто еще в 1860 г.: Эйдткунен через Шталлупенен, Гумбиннен, Инстербург, Велау, Тапиау с Кенигсбергом соединила новая линия Восточной железной дороги. Через год к пограничному переходу Вержболово — Эйдткунен была подведена линия со стороны России. Таким образом, из Петербурга в Берлин можно было проследовать без пересадки через Восточную Пруссию (переход на европейскую колею осуществлялся в Эйдткунене). Поначалу проехать поездом в Эльбинг (Эльблонг), Мариенбург (Мальборк), Франкфурт, Берлин, города других германских провинций и иных стран Европы было возможно только через Кенигсберг. В 1860–1870-х годах ветки на Голь-

дап и Лик, Торн и Алленштайн (Голдап и Элк, Торунь и Ольштын, Польша), а также Тильзит прокладываются из Инстербурга, который становится крупным железнодорожным узлом (Г. Кюнхен). Именно здесь началось строительство так называемой малой железной дороги (проект разработан в 1897 г., первые участки введены в эксплуатацию в 1902 г.), линии которой связали многие населенные пункты округа Инстербург. Затем и другие восточнопрусские округа последовали его примеру. Становится понятным, почему редакционный поезд фронтовой газеты «Красноармейская правда» нередко находился на станции Инстербург: это могло быть связано и с маневрированием, и с ремонтом поезда, тем более что, несмотря на пожар во время и после штурма, на станции оставалась ремонтная база — вагонное и локомотивное депо. Военные железнодорожники сразу же после взятия города стали приводить в порядок станционное хозяйство. Помимо того, Восточную Пруссию покрывала еще и сеть мощных автомобильных дорог.

В первые дни Восточно-Прусской операции соединениями 3-го Белорусского фронта только за две недели, до 28 января, были взяты Пилькаален (пос. Добровольск Краснознаменского района), Ласденен (г. Краснознаменск), Рагнит (г. Неман), Тильзит (г. Советск), Хайнрихсвальде (г. Славск), Гумбиннен (г. Гусев), Инстербург (г. Черняховск), Велау (пос. Знаменск Гвардейского района), Даркемен (г. Озерск), Лабиау (г. Полесск), Тапиау (г. Гвардейск), Нойхаузен (г. Гурьевск). Наши войска овладели железнодорожной линией от Гумбиннена до подступов к Кенигсбергу (Гутенфельд, ныне пос. Луговое), практически всей территорией к северу от нее и к югу от участка

Эйдткунен — Инстербург уже к 26 января. Широкая (союзная) колея была проложена сначала до Гумбинена, затем почти до Кенигсберга.

На юго-западном направлении темпы наступления были не столь стремительными. На этой территории тоже имелась разветвленная сеть дорог: ветка Кенигсберг — Прейсиш-Эйлау (г. Багратионовск) — Бартенштайн (г. Бартошице) — Растенбург (г. Кентшин) — Лик в Коршене (ст. Корше) пересекалась с веткой Инстербург — Маттенау (пос. Угрюмово Черняховского района) — Бишдорф (ст. Сонтопы-Самулево, Польша) — Алленштайн; через Бишдорф по локальным линиям можно было проехать из Растенбурга в Хайльсберг (г. Лидзбарк-Варминьски, Польша), из Гердауэна (пос. Железнодорожный Правдинского района) во Фридланд (г. Правдинск), из Прейсиш-Эйлау через Цинтен (пос. Корнево Багратионовского района) в Хайлигенбайль (г. Мамоново), из Хайльсберга в Цинтен и т. д. Вслед за линией фронта по узкой немецкой колее двигалась и редакция фронтовой газеты, а ее корреспонденты, выполняя задания редакции, бывали там, где удалось закрепиться наступавшим частям Красной Армии — в городах, селах, на хуторах, в полевых блиндажах и даже в замках.

Итак, письмо Твардовского Марии Илларионовне от 31 января пришло уже с какой-то станции в Восточной Пруссии, куда военкоры возвращались из командировок: «...Посылаю тебе новую главку “Теркина” — она очень сырая, но я писал ее в очень трудных условиях. Придется над ней, как над многим, посидеть еще...»

Это была глава про «Солдата-сироту», уже опубликованная в номере «Красноармейской правды»

за 29 января. Мы не располагаем сведениями о том, был ли Твардовский в Тильзите, однако в этой главе, в размышлениях о судьбе безымянного «солдата-сироты», город упоминается:

...Или снова был он ранен,
Отдохнул, как долг велит,
И опять на поле брани
Вместе с нами брал Тильзит?..

Географические наименования у Твардовского не часто встречаются в текстах поэмы — он их употребляет только тогда, когда этого требует художественная логика произведения. Но в рабочих тетрадях, перед записями, он указывает названия населенных пунктов после даты. В письмах «с оказией» — со знакомыми, едущими по служебным надобностям в Москву, — «география» тоже помечается, в обычных же письмах ставится номер полевой почты: 55563.

19 февраля в рабочей тетради появляется скорбная и знаменательная запись: «Сегодня известие о гибели Черняховского. Буду писать стихи, хотелось бы, чтоб они были достойны памяти этого человека». А 20 февраля на первой странице номера «Красноармейской правды», рядом с портретом дважды Героя Советского Союза И. Д. Черняховского, это стихотворение печатается под заголовком «Памяти полководца». Приводим его полный текст:

Скрывать нашей скорби не станем.
Над прахом орла своего
Скорбят и Россия, и Сталин,
Взрастившие вместе его.

Герой — это гордое слово,
И грозное слово — война.
С солдатской судьбою суровой
Судьба полководца дружна...

Стволы у стены у кремлевской
Готовит к салюту Москва,
Что славу твою, Черняховский,
Не раз отмечала, не два.

И нынче мы, русские люди,
Услышим в далеком краю
Размеренный грохот орудий —
Последнюю почесть твою.

Но, в горьком сознании утраты,
Клянутся над гробом войска,
Что враг не уйдет от расплаты,
Что наша победа близка.

В первой строфе назван Сталин (чего, как известно, нет ни в одной главе «Теркина»). А. М. Турков позицию Твардовского в этом плане поясняет следующим образом: «...и отдельные его стихи, и некоторые из ныне опубликованных дневниковых записей поэта свидетельствуют, что Сталин еще по-прежнему представлялся ему, как и миллионам людей, верным продолжателем ленинских заветов», тем не менее «в искусстве Твардовскому было глубоко чуждо слепое подчинение каким-либо “руководящим указаниям”, исходи они даже от величайшего в его глазах авторитета».

Стихотворение «Памяти полководца» распространялось на 3-м Белорусском фронте еще и в виде листовки.

В книге «Я в свою ходил атаку...» были помещены две строфы из него. В канун дня рождения полководца, в июне 2010 г., В. А. и О. А. Твардовские прислали авторам этих строк полный его вариант, любезно согласившись на его публикацию. «Оно так и осталось на странице этой газеты 3-го Белорусского фронта — более никогда не перепечатывалось, — отмечала в сопроводительном письме Валентина Александровна Твардовская. — Вы будете первыми его публикаторами с февраля 1945 года». И так случилось, что через 65 лет после первой публикации в «Красноармейской правде», в годовщину со дня рождения И. Д. Черняховского, 29 июня 2010 г., стихотворение «Памяти полководца» снова увидело свет в том же городе — только в другой газете. (А город этот уже 64 года носил имя полководца.)

20 февраля 1945 г., в Инстербурге, Твардовский записывает в рабочую тетрадь:

«Последние две недели — две поездки: 1) в 5-ю армию и в 31-ю. Впечатления от первой — угрюмые следы тяжелых боев, пожарища и т. д., отсутствие населения в домах, на месте, и массы на дорогах, в колоннах, временных лагерях, сараях, сборных пунктах; у фронта — большой огонь, малое продвижение. От второй — большие пространства, очищенные быстро, в результате соседних боев, население в домах, в городах, меньше разрушений, больше анекдотов о насилиях и не-насилиях... Грюнвальд.

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.
Пух клубится из перин.

Мягко спали немцы и немки, покуда шла война далеко от них, покуда мы не только сами мерзли и гибли, но и наши семьи многие были лишены крова и т. д.

Бегут, побросали перины.

До чего же скучна чужая сторона. До чего мила родная, какая ни есть, а есть она лучше всех.

Идут русские, орловские, смоленские, идут украинцы, белорусы — белорус, француз, поляк и др., и все домой, и всех освобождаем мы, Красная Армия. Но всего дороже встреча с русской женщиной, русская речь.

- Здравствуй, мать. Сама откуда?
- Ох, сынок, из-под Орла.
- Ну и чудо — забрела...»

Эти впечатления Твардовский тоже отобразит в главе «По дороге на Берлин». Не довелось автору побывать в столице Германии, однако логика развития поэмы требовала такой «географии», и в основу одной из завершающих глав «Книги про бойца» легло то, что увидено им на Кенигсбергском шоссе, заполненном и немецкими беженцами, и движущимися на запад советскими войсками, и возвращающимися на родину из фашистского рабства и плена людьми разных национальностей (известно, что один из гитле-

ровских лагерей находился на окраине Инстербурга). Те же краткие записи стали основой для нескольких очерков.

Грюнвальд — точнее, Грюнвальде (Зеленица, Польша) — деревушка под г. Ландсбергом (г. Гурово-Илавецке, Польша), в зоне действия 31-й армии, где Твардовский побывал во время двухнедельной поездки (трагедии, разыгравшейся в Грюнвальде, он посвятит очерк).

10 февраля (п/п 55563) поэт пишет Марии Илларионовне: «...Посылка дошла хорошо, но она ждала меня неделю еще — я был в командировке. Поэтому цитрусовые частично погибли...» Посылка, понятно, шла на полевую почту — т. е. место расквартирования редакции. Если вернулся Твардовский из двухнедельной поездки 20 февраля, значит, выехал примерно 6–7-го. До этого тоже был в командировке неделю. О переездах с редакцией речи нет (а Твардовский обычно фиксирует в записях переезды, с которыми связаны хлопоты по обустройству на новом месте). Следовательно, откуда выезжал, туда и вернулся, а вернулся, скорее всего, в Инстербург. Значит, там стоял и в дни предыдущей командировки редакционный поезд с типографией, в которой печаталась газета?

Красная Армия наступает, берет Хайльсберг и Фридланд (31 января), Ландсберг (2 февраля), Кройцбург (пос. Славское Багратионовского района) (8 февраля), Прейсиш-Эйлау (10 февраля), Цинтен (22 февраля). Связанные с этим события военкоры отражают в газете.

В конце февраля из-за необычайно упорного сопротивления противника наша армия прекратила наступление. 28 февраля Твардовский, видимо, еще

в Инстербурге. Снова поэт размышляет о том, как выстроить последнюю часть «Теркина» и какие главы писать:

«...Начинал заграничную главку, потом решил начать ее авторским отступлением, но таким, чтоб оно давало тон времени, того, что принесено успехами вторжения и т. д. Завтра переезд. До нового угла не приняться. Четвертый год в дороге — вот наша война...

К первой Теркина главе
Приступил поэт в Москве.

Дело это было к сроку,
Потому как той порой
Под Москвой неподалеку
В обороне был герой...

А за ней иные главы
Шли по почте полевой
В дни начальной нашей славы,
В дни победы под Москвой.

Продвиженье — продолженье.
Изменяло вдохновенье
В обороне затяжной.

От Москвы, от Сталинграда
Неразлучны мы с тобой,
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.

И пожарища поместий,
Городов горелый лом,
Громяхая ржавой жестью
Пахнут паленым пером...»

В тот же день он сообщает жене в письме с пометкой «п/п 55563»: «...Пишу тебе перед тем, как укладываться и собираться в дорогу. Еду далеко, но совсем не в направлении того города, где, по твоему предположению, должен был я зиму заканчивать...» (т. е. не в Москву, о поездке в которую велась речь незадолго до того).

2 марта в газете «Красноармейская правда» опубликован очерк «Настасья Яковлевна», героиня которого батрачила под Прейсиш-Эйлау, а после освобождения возвращалась на Родину.

Поскольку линия фронта подвинулась (этот участок фронта контролировала 31-я армия генерал-лейтенанта П. Г. Шафранова, взявшая в конце января — в феврале Хайльсберг и еще несколько городов), за ней перемещалась и редакция, которая выехала из Инстербурга по дороге на Алленштайн и остановилась уже на территории Восточной Пруссии, отошедшей позже к Польше, — на станции Бишдорф (ныне ст. Сонтопы-Самулево, Бартошицкий повят Варминьско-Мазурского воеводства), откуда было недалеко до занятых во время февральского наступления опорных пунктов. Советские войска готовились к новому наступлению на восточнопрусскую (хайльсбергскую) группировку противника.

3 марта в Бишдорфе поэт вписывает в рабочую тетрадь новые наброски для главы «По дороге на Берлин»:

...Чуждый запах заграничный,
Чуждый край краснокирпичный,
Черепичный, заграничный.

Но земля равна с землей,
По земле ступает бой,
И дрожит она отлично, —
Черепицы с крыш долой...

В письме от 3 марта (п/п 55563) Твардовский извещает жену:

«...Пишу тебе с нового места моего расположения. Устроился вполне хорошо — в тепле и тишине. Начал заграничную главу, пишется тяжело, но не безнадежно, как писались иные главы, взятые почти целиком “из головы” — вроде “На Днестре”. Но тут разница расстояний. Сейчас 41-й и 42-й кажутся особенно понятными, поддающимися выражению, а сегодняшнее станет таким лишь завтра. Но это вообще, а в моей работе вся суть в непосредственном следовании событиям и их комментировании»...

(Мы были на станции Бишдорф. Сохранился большой старый прусский вокзал с гранитным крыльцом и уже неровно лежащей перед ним брусчаткой, рядом старая, в два обхвата липа — точно, «свидетельница» тех событий, — напротив здание постройки рубежа XIX–XX веков. Вошли в фойе — удивились: на стекле кассы — ксерокопия фотографии военных лет, сделанной, наверное, еще до прихода наших.

Спросили — чья? Оказалось, одного пана из ближнего Биштынека, который тоже историей интересуется, старые снимки собирает. Приехал, оставил...)

5 марта поэт записывал: «Оторвался от главы, по неискоренимому легкомыслию решив, что в оставшиеся до 8 марта дни смогу написать что-нибудь женское: либо женскую главу Теркина (начал и не пошло), либо продолжение “Дома” — встречу с Героиней в Германии. Вынул запись первых набросков из этой тетради и вроде немного продвинул их. А главой надо заниматься начатой, не глядя по сторонам. Пока нет заграничной главы — как бы нет Теркина в живых».

Здесь, в Восточной Пруссии, в разбитых ее селениях или даже в более сохранных городах нынешней Северной Польши, «дорога на Берлин» «ощущается» весьма отчетливо:

На восток, сквозь дым и копоть,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идет Европа.
Пух перин над ней пургой.

И на русского солдата
Брат француз, британец брат,
Брат поляк и все подряд
С дружбой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

На безвестном перекрестке
На какой-то встречный миг —
Сами тянутся к прическе
Руки девушек немых.

И от тех речей, улыбок
Залит краской сам солдат;
Вот Европа, а спасибо
Все по-русски говорят.

Он стоит, освободитель,
Набок шапка со звездой,
Я, мол, что ж, помочь любитель,
Я насчет того простой.

Сделанные в Бишдорфе 7, 9, 12 марта записи в рабочей тетради тоже свидетельствуют об упорной работе над «заграничной главой». 14 марта, там же, поэт отмечает: «Вчера ребятам прочел с черна главу <“По дороге на Берлин”>. Хвалили. Сегодня займусь ею от первой до последней строки. <...> Если я смогу так еще посидеть (опять завтра переезд) недели две, то у меня останется только заключительная послевоенная глава да запасная “На том свете”». Новую главу он посылает жене. А 15 марта, в день отъезда из Бишдорфа, сожалеет о том, что мало сделал: «Еще одна квартира остается позади. Всего, что успел, написал главку да ответил на письма». Здесь же, в рабочей тетради, оценивает обстановку в Восточной Пруссии: «Можно, конечно, страдать от того, что происходит множество безобразий, ненужной и даже вредной жестокости (теперь только понятно, как вели себя немцы у нас, когда мы видим, как мы себя ведем, хотя мы не немцы). <...> Это меньшее страдание на земле, чем то, которое было и было бы при наличии неразгромленной Германии, безотносительно к тому, чье страдание...»

16 марта пишет «с нового места, где близость фронта очевиднее, но условия жизни как будто не хуже»:

«Живем сейчас в маленьком городке, который своими задами, выходящими к очень разбухшей сейчас речке, очень напоминает наши городишки, хотя прямой похожести почти нет. В окно моей мансарды (опять и опять мансарда — доподлинная, с косым потолком, спускающимся на спинку кровати) вид на эту речку и лесистый холм невдалеке».

Новое наступление 3-го Белорусского фронта на хайльсбергскую группировку начинается 13 марта, 18 марта взят Людвигсорт (г. Ладушкин), 25 марта — Хайлигенбайль, бои идут на побережье залива Фришес-хаф (ныне Калининградский залив), гитлеровцев окружают и оттесняют к Бальге и Кальхольцу. Ближе к фронту из занятых ранее городов — Цинтен (пос. Корнево), располагавшийся на пересечении железнодорожной магистрали Алленштайн — Кенигсберг и локальной дороги Прейсиш-Эйлау — Хайлигенбайль (позже в Корневе железнодорожные пути были демонтированы). По нашим предположениям, он соответствует данному Твардовским описанию (письмо от 16 марта).

Вероятно, здесь поэт «отвлекается» на стихотворение: «Давно уже не писал лирических стихов, поэтому вчера поддался обольщению под живым, пронзительным впечатлением запаха земли из-под снега, мокрой жухлой травки, которое испытал во время последнего переезда, идя на какой-то станции в хвост поезда, где столовая <...> День вчера ушел на эти несколько строк...» Так 18 марта (а запись от 19 марта) родилось стихотворение «В поле, ручьями изрытом...»

Ну а далее Твардовский продолжает работу над поэмой: «Ближайшей главой до сегодняшнего утра <19 марта> мыслилась глава “Кто воюет на войне”.

Утром сегодня, вспоминая под впечатлением вчерашней бани всякие бани, где я мылся на войне, решил вдруг написать главу “В бане”. Общий ритмический ее рисунок обозначался наподобие какого-нибудь перепляса — с медлительным началом, ускорением темпа, высшей точкой, где ритм должен как бы совсем выйти из рамок обычного, и последним вздохом в предбаннике или просто во дворе по поводу весны, земли и конца войны».

В письме с okazji уже из Хайльсберга Твардовский пишет о том, что его и всех волнуют дальнейшие перспективы: «Мы отъезжаем несколько назад. Быть может, это связано с одним веселым слухом о том, что мы едем отсюда на Дальневосточный фронт. Комментировать это дело даже в оказийном письме я не решаюсь...» Действительно, 29 марта завершились последние бои с хайльсбергской группировкой на мысе Кальхольцер-Хакен, где Твардовский побывал по горячим следам. Затем редакционный поезд, видимо, из Цинтена, который напрямую связан был железнодорожной линией с Хайльсбергом, и последовал в этот древний восточнопрусский город. Из Хайльсберга Твардовский отправил Марии Илларионовне вырезки с новыми заметками и «фотографию, которая изображает автора “Теркина”, его художника — Верейского и того, с кого Верейский рисовал Теркина, — Васю Глотова».

Интересно, что рисунки Верейского к поэме «Василий Теркин» (с определенной долей обобщения), отображали то, что автор и художник видели в реальной действительности. Тем более что художник работал с еще «горячими» строками — только-только из-под пера автора, с которым бок о бок уже третий год.

На заставке к главе «По дороге на Берлин», на дальнем плане, — абрис церкви, отчасти схожей с капеллой в Бишдорфе (ее построил архитектор Альберт Фриш в первый год XX века), отчасти — с костелом Святой Катарины в Растенбурге работы Фрица Хайтмана и его же католической церковью Святого Бруно, выросшей на главной улице Инстербурга тоже в начале прошлого века.

Когда мы заинтересовались вопросом, есть ли «архитектурный прототип» у колоритных городских ворот, изображенных на заставке к главе «В бане», выяснилось, что это Высокие ворота (das hohe Thor) Хайльсберга.

Не сразу выяснилось. Сначала думали-гадали, где бы это могло быть, но подсказку дали строки:

Честь и слава помкомхозу,
Снаряжавшему обоз,
Что советскую березу
Аж за Кенигсберг завез...

«За Кенигсберг»... Понятно, что это «за» указывает не на север и не на запад (там еще земландская группировка, а дальше вода морская), не на восток (это не «за», а «до»). Находим на юге, у «соседей», — через «гугл» выплывает фотография тех самых врат, целых, в том виде, в каком их наблюдали поэт и художник... Впечатлили. Они же не только высокие, но и широкие — пожалуй, пошире будут и ольштынских, и бартошицких, и эльблонгских...

А на заставке в конце главы — красивый готический стул (даже, скорее, кресло). И в воспоминаниях Ореста Верейского «стулья графские» фигурируют, и в тексте.

И замок упоминается, без названия. Не графские ли стулья из замка Хайльсберг (Гейльсберг) имелись в виду? Замок же этот был резиденцией польских епископов, причем последний из них — сам Игнацы Крашицки (1735–1801), из графского рода. Гордость Речи Посполитой — поэт, писатель, комедиограф, публицист, энциклопедист...

И как-то еще подумалось, что «помнят» стены старого замка и канонаду другой баталии — Гейльсбергского сражения, в котором победу над войсками Наполеона в 1807 г. одержали русские войска при участии прусской армии (тогда союзниками были).

В годы Второй мировой во внутренних помещениях замка содержались военнопленные.

Теперь в нем — филиал Музея Вармии и Мазур. Хороший музей. Обошли все залы, и даже в подвалах побывали. Правда, стула, похожего на тот, в книге, не нашли. А так хотелось поглядеть на него, потому что когда-то на него смотрели поэт и художник...

А может, те стулья принадлежали когда-то хозяевам замка Галлинген? Он неподалеку от Лидзбарка стоит и совсем рядом с Бартошице, бывшим Бартенштайном. Да и воспетая (поистине — воспетая!) в главе баня тоже могла быть там. В сохранившемся замке квартировала редакция газеты 31-й армии «На врага», а в ней служил поэт Василий Глов, с кого Верейский Теркина рисовал. Видимо, в марте и побывали в гостях у друзей-корреспондентов журналисты «Красноармейской правды». Василий Иванович Глов, политрук, поэт армейской газеты, позже вспоминал, что это была его последняя встреча с Твардовским на фронте: «Вечером у меня в комнате Твардовский вынул из офицерской сумки книжку небольшого

формата, написал несколько слов и сказал коротко: «На память о войне!..» Это было первое, 1942 г., издание «Василия Теркина». На титульном листе Александр Трифонович оставил надпись: «Василию Глову, близкому родственнику В. Теркина, моему дорогому поэту и товарищу по войне. А. Твардовский. 1945 г. Замок Галинген. Восточная Пруссия». (Возможно, посланный Твардовским домой из Хайльсберга снимок, на котором вместе с ним запечатлены были Глов и Верейский, был сделан именно там.)

Восточнопруссские мотивы появятся и в иллюстрациях к заключительной главе «От автора»: на рисунке-заставке — несколько преобразованные башни Кенигсбергского замка и памятник кайзеру Вильгельму — с воздетым к небу мечом во властной руке, «обезглавленный»... (Кстати, на фотографии Твардовского в Кенигсберге, у стен Королевского замка, как и на ряде иных снимков 1945 г., можно видеть статую кайзера в целости и сохранности: она была утрачена — вероятно, переплавлена, — как минимум, несколькими годами позже.)

Через два дня после штурма города-крепости, 11 апреля, в «Красноармейке» публикуется очерк Твардовского «Кенигсбергское утро». 12-го поэт пишет М. Плещачевскому: «Был в Кенигсберге. Одно из самых сильных впечатлений за всю войну».

Штрихи к событиям этих дней добавляет в своих воспоминаниях Юрий Чернов — ветеран Великой Отечественной войны, Почетный гражданин города Димитрова, автор текста, выбитого на граните памятника 1200 гвардейцам в Калининграде. В 2011 г. он выпустил сборник эссе «Лампа под красным абажуром» о встречах с выдающимися деятелями отечественной

и зарубежной культуры, в том числе с Александром Твардовским, Ильей Эренбургом, Константином Паустовским, Виктором Некрасовым, Верой Пановой, Константином Симоновым, Назымом Хикметом, Василем Быковым... Эссе «Две строки» посвящено памятной встрече с Твардовским сразу после взятия Кенигсберга, «горящего, оглохшего от бомбежек и канонады». Поэт и его спутники — Верейский, Горяев и еще несколько корреспондентов «Красноармейской правды» — возвращались из Кенигсберга и решили заночевать у коллег из армейской газеты «Боевая тревога», праздновавших победный штурм немецкой цитадели. Спиртного было достаточно — один из сотрудников редакции привез «арсенал» элитных напитков из склада, обнаруженного в Понарте, пригороде Кенигсберга. Юрий Чернов уже встречался до того с Твардовским, под редакцией которого в «Красноармейской правде» (1945, 12 января) публиковалась его поэма «Русский солдат» о подвиге Героя Советского Союза Юрия Смирнова, — в ней Твардовский сделал правку двух строк. Особенно памятен автору произнесенный Твардовским тост:

«— В начале войны для меня было праздником, когда услышал в сводке: бомбардировщики дальнего радиуса действия бомбили Кенигсберг. А сегодня в Кенигсберге наша пехота. И это для меня главное. И в этом — главная правда. Давайте выпьем за главное!

Пили за главное. И читали стихи из “Теркина”, появившиеся незадолго до штурма Кенигсберга: “По дороге на Берлин вьется серый пух перин...”».

Со второй половины марта и до 14 апреля Твардовский увлеченно работает над новой главой «Теркина».

7 апреля он пишет: «Я уже почти закончил новую главу <В бане>, она, кажется, весьма удачна будет. Уж тем хороша, что после нее потребуется только заключение...» 14 апреля в рабочей тетради отмечает: «Переписал на листы всю главу, хорошо. И пока переписывал, поправляя кое-что (в общем, мало) пришел к убеждению, что действительно заканчиваю Теркина. Через два года, как раз после того, как закончил, но чувствовал какую-то тревогу. А теперь — нет. Нет нужды ждать окончания войны, не в первый же день войны я начал книгу и не датами совпадения определяется дело. Наоборот. Остается написать главу, о которой думал больше года, не решаясь приступить к ней... Если Баня — апофеоз войны, наступления, нашей победной силы, то “На том свете” будет лирикой и философией этой войны, совет “оба пола” ее времени. <...> Опять переезд в Инстербург — в третий раз».

Переписывалась на чистые листы, подправлялась и печаталась глава «В бане» по дороге в Инстербург — в нынешнем поселке Угрюмово Черняховского района. В публикации письма Марии Илларионовне от 15 апреля рядом с датой стоит пометка «Монтенау». Однако мы предполагаем, что это станция Маттенау (теперешняя станция Угрюмово), — во всяком случае, Монтенау на предвоенных картах Восточной Пруссии нет. Станция Монтенау существует в действительности, но в Арденнах, в немецкоязычной части Бельгии. Путь же из Хайльсберга в Инстербург пролегал через Бишдорф, там поворачивал на магистраль, которая вела к Инстербургу через Гердауэн и Маттенау.

15 апреля поэт сообщает жене: «...Перед этим денька два был болен гриппом, вчера уж решил ночью

не ходить на станцию в поезд, хотя шла в номере глава... Едва ли не первая это глава, что я не просмотрел ее в полосе...» Так что, по всей видимости, находился Твардовский в Маттенау уже и 14, и 13, а может, и 12 апреля, когда заносил в рабочую тетрадь впечатления о Кенигсберге. Итак, на станции Маттенау в передвижной типографии «Красноармейской правды» глава печатается, и в тот же день вырезку из газеты Твардовский посылает Марии Илларионовне.

Из ее письма от 11 апреля поэт узнает, что прошел по голосованию на 2-ю Сталинскую премию (1-я премия только одна — гимну Михалкова): «...конечно, ты сам понимаешь, — пишет жена, — что все еще может коренным образом измениться. Мне даже кажется, что если вдруг и сняли “Теркина” вовсе, то это не так бы уж и плохо было — его ждет первое место. Все дело в том, что время это докажет, а не как сейчас — голосование». И действительно, все еще изменилось, и не раз. Сначала поэма была снята с обсуждения, так как в печати появились новые главы. Но при окончательном рассмотрении на Комитете по делам искусств ее рекомендуют на Сталинскую премию 1-й степени. Это решение узаконят Постановлением СНК СССР от 26 января 1946 г., несмотря на негативное отношение номенклатуры. Причем вернул поэму в список рассматривавшихся произведений сам Сталин. (А. М. Турков приводит рассказ Фадеева о том, что Сталин, не найдя имени Твардовского в списках награждаемых премией 1945 года, спросил: «А “Теркин”?») Ему сказали, что поэма еще не закончена, на что Сталин ответил: «Не думаю, чтобы он ее слишком испортил».)

И снова цитируем письмо от 15 апреля: «...третий раз едем в Инстербург за последний месяц. То так,

то так складывается обстановка. Словом, когда закончится Земландская группа, мы очутимся в глубочайшем тылу... <...> Настроение у меня хорошее, рабочее. Условия тяжелы частыми переездами. Но ближайшие две недели будем, наверное, сидеть на месте — связано с поездом, ремонтом и т. п.». Здесь же поэт размышляет о необходимости главы «На том свете»: «Это будет глава лирико-философская при внешней своей сюжетной занятости, она будет каким-то подведением морально-этического и философского баланса вещи. Она посвящена памяти тех, чью память называют вечной в каждом приказе. Она в павших, а павших героев и мучеников этой войны не меньше, чем живых... <...> Итак, это и будет последняя глава, в которой Теркин возвращается с того света, не найдя себе там места. На этом повествование, как говорится, обрывается. Затем заключение. В основу его пойдут некоторые строчки из того заключения, что было до глав третьей части. Таким образом, будет исключено сдвижение в середине двух “От автора” (конец II, начало III части). “Смерть и воин” отойдет ко второй части (следом за “В наступлении”). А третья будет выглядеть примерно так по порядку:

Вступление
Дед и баба
На Днестре
Про солдата-сироту
По дороге на Берлин
В бане
С того света (?)
Заключение».

Глава «Теркин на том свете» в поэму не вошла, зато после войны «выросла» в самостоятельное произведение, куда попали и некоторые не прошедшие цензуру отрывки из «Василия Теркина».

Вот еще записи из рабочей тетради.

18 апреля:

«Страшное дело начать главу, которая по своему смыслу и тону должна быть последней и правомочность которой еще самому себе не абсолютно доказана.

Однако надо. Чувствую, что чем дальше затяну дело, тем труднее будет. И так уж для многих “Теркин” — нечто бывшее, звучавшее когда-то в первой половине войны, лишь для меня это еще не законченная работа.

Очень хочется иметь всю вещь в переписанном на машинке виде, почувствовать толщину вещи, возить ее с собой, изредка раскрывая на той или иной странице и внося либо вычеркивая что-либо.

Набросать “сценарий” главы прямо в тетради не решаюсь.

Просится еще одна перед ней — “Кто воюет на войне”. Может быть, с нее и начать работу в этой комнате, выходящей широким, во всю стену окном на одну из главных улиц сожженного и уже остывшего Инстербурга?»

22 апреля, письмо:

«Война у нас, на нашем фронте, на исходе. Предстоит еще одна поездка в Пилау, и, по-видимому, больше нам не придется занимать участок фронта. Где и как мы будем — никто толком не знает, но ясно по общей обстановке, что это финал. Предстоят месяцы тылового сиденья, тоски особого накала, поскольку теперь-то уж

мое, в частности, пребывание здесь ничем не оправдывается. Я надеюсь уберечься от тоски тем, что буду кончать “Теркина”. Я ошибся, кажется, предположив, что мне остается сделать одну главу до заключения. Получается — две. Причем эта, над которой я сейчас тружусь под грохот танков и самоходок, возвращающихся “на другой конец войны” по улице Инстербурга, эта не менее важна, чем та, следующая за ней и вообще последняя. <...> Сознание близкого завершения работы бодрит меня, утешает и вместе беспокоит, как и должно быть. Ведь это же Теркин, который для меня более, чем живой человек, это Теркин — моя мысль, моя вера, “боль моя, моя отрада, отдых мой и подвиг мой”, как говорится в заключение. Мне бы сейчас месяц покоя — и я закончил бы, чувствую, что у меня сейчас идет. Подозреваю даже, что к концу он у меня не хуже, а лучше. <...> Мне хорошо от самого себя, от своей работы. Я надеюсь с ней пережить все прошлые, настоящие и предстоящие огорчения. Я только очень устал и поизносился нервами. <...> Спасибо тебе, дорогая, за твой отзыв о главе “По дороге на Берлин”. Я так рад, так рад, что она тебе понравилась. Но “Баня”, по моему, лучше. А сейчас я пишу главу, которая должна быть еще лучше».

Случилась ли поездка в Пиллау (г. Балтийск), нам пока не известно. Достоверно известно о переезде в более близкий город. 26 апреля Твардовский, опять же из Инстербурга, где обдумывал главу о «том свете», сообщает супруге: «...Уезжаем мы покамест в городок Тапиау, потом, может быть, в Кенигсберг на длительную или короткую стоянку. Но и того с определенностью сказать нельзя, так как покамест едем просто в поезде — квартир на месте нет. Последние недели

войны превратились для нас в постылейшее перета-скивание, увязывание и развязывание вещей. Написать за последние дни ничего не смог. Главным образом это шум и грохот, несущийся с улицы, от проходящих войск. Кстати, зрелище необычайное и волнующее».

30 апреля по решению Военного совета 3-го Белорусского фронта Гвардовский был награжден орденом Отечественной войны I степени.

2 мая в Тапиау поэт вместе с товарищами ликует, услышав весть о взятии Берлина, и пишет стихотворение, которое на следующий день публикуется в «Красноармейской правде» как «Стихи без заглавия» (позже печаталось под названием «Берлин»).

Атмосферу того дня передает запись в рабочей тетради от 3 мая:

«Гулянье у Фоменко и вдруг — пальба зениток, немного даже смутившая: вот говорим, что он уже не летает, а он, гляди, и прилетел. Но по тону и яростному многообразию огня, главным образом пулеметного и автоматного, стало понятно, что нет, это не то. Тут от кого-то из типографии, через третьи уста, нетвердо, но в полном согласии с догадкой дошло: Берлин взят, салют...

Это длилось по крайней мере минут 15–20.

Стреляло все, что могло как-то стрелять в городе, начиненном фронтовыми и прочими учреждениями. Явно не хватало ракет, некоторые выбрызгивались в небо кое-где, но зато трассы пуль, хоть не так стройно, опоясывали все небо, перекрещивались, одна ниже, другая выше. Охрана поезда начала из автоматов, не выдержали и все, в том числе я, стали разряжать нечищенные по году пистолеты в воздух. Необыкновенное, самозародившееся и незабываемое.

БЕРЛИН

Не в самый полдень торжества
Приходят лучшие слова...

И сердцу радостно и страшно
Себя доверить той строке,
В которой лозунг наш вчерашний
Сегодня — ноша на штыке.

Отчизна, мать моя, сурово
Не осуди, я слов ищу,
И я лишь первые два слова
Об этом празднике пишу.

Я их сложил, как мог, в минуты
Волненья, что лишает слов,
Когда гремел салют салютов
Из всех, какие есть, стволов.

С твоими равными сынами
Я плакал теми же слезами,
Слезами радости, твой сын.
Берлин, о Родина, за нами,
Берлин, товарищи, Берлин!»

День Победы Александр Твардовский тоже встретил в Тапиау. Верейский вспоминал, «как на залитой солнцем улице плакал пожилой солдат, как обнял его Твардовский, пытаюсь успокоить»: «Солдат же бесконечно повторял одно и то же: “Сегодня люди перестали убивать друг друга!”» Там же, на подъеме, Твардовский написал заключительную главу «От автора».

Таким образом, действительность скорректировала планы поэта: из-под его пера после главы «Про солдата-сироту» вместо намеченных в январе пяти глав вышли три: «По дороге на Берлин», «В бане», «От автора». (Отрадно сознавать, что их строки и образы вынашивались и в городе, ставшем нам «малой» родиной.)

По приезде в Москву в конце мая Твардовский еще вносил поправки в последнюю главу произведения, значимость которого для себя оценивал так: «“Книга про бойца”, каково бы ни было ее собственно литературное значение, в годы войны была для меня истинным счастьем: она дала мне ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринужденной форме изложения. “Теркин” был для меня во взаимоотношениях поэта с его читателем — воюющим советским человеком — моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю. Впрочем, все это, мне кажется, более удачно выражено в заключительной главе самой книги».

К концу июня поэма «Василий Теркин» была завершена. Главы из нее публиковались в «Известиях», «Литературной газете», в журналах «Знамя» и «Красноармеец», затем она вышла несколькими отдельными изданиями. (Поэт снял впоследствии деление на части и нумерацию глав.)

В 1947 г. писатель Леонид Федорович Зуров показал Ивану Алексеевичу Бунину книжку с поэмой о Теркине, которая буквально потрясла классика русской литературы. Он попросил Николая Дмитри-

евича Телешова передать Твардовскому на словах: «Совершенно восхищен его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова! Возможно, что он и останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за “Теркина”».

И в послевоенные годы автор «Теркина» получал письма от фронтовиков с добрыми откликами и пожеланиями. «Теркинская почта» — уникальное явление в истории литературы.

Творчество Твардовского военных лет не исчерпывается исключительно «Василием Теркиным» и очерками. Значительным его достижением стал поэтический цикл «Фронтальная хроника» (в пятитомном Собрании сочинений он, в свою очередь, подразделялся на циклы: «В снегах Финляндии», «Юго-Западный фронт», «Смоленщина» и «Возмездие»). Им были написаны стихи, вошедшие в золотой фонд отечественной поэзии. Ряд стихотворений создавался на подступах к Восточной Пруссии, а затем на ее территории. В августе 1944 г. была написана «Граница». В октябре 1944 г., в дни Гумбинненской операции, родилось стихотворение «Мы сотни верст и тыщи верст земли...» (опубликовано в «Красноармейской правде» 24 ноября 1944 г.). 10 января 1945 г., в деревне Рудмяны в Литве (за несколько дней до начала Восточно-Прусской операции), после записи: «Начал сегодня для раскочки стихи...» — явились на свет строки, скоро ставшие знаменитыми:

Война! Жесточе нету слова.
Война! Печальней нету слова.
Война! Святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.

23 февраля 1945 г. в «Красноармейке» печатается стихотворение «Расплата» («Хрустит чужое под ногой...»; позже объединено под общим заголовком «Возмездие» со стихотворением «Мы сотни верст и тыщи верст земли...»). На разъездах Восточной Пруссии написаны уже упомянутые нами «В поле, ручьями изрытом...» и «Берлин»...

«Поэзия военных лет составляет особый целостный этап в творчестве Твардовского, — подчеркивает Ю. Буртин, — особый как по своим непосредственным творческим результатам, так и по своему влиянию на весь его дальнейший путь. Помимо само собой разумеющейся новизны “материала”, война внесла в поэзию Твардовского столько качественно нового, совершила в его творческом сознании такие глубокие сдвиги, что есть все основания говорить как бы о “втором рождении” поэта».

Военная тема так и «не отпустит» Твардовского. И пусть по выходе сборника «Послевоенные стихи. 1945–1952» критики обрушились на автора с упреками: «...скорбь заслоняет от поэта нашу сегодняшнюю жизнь», — это несколько не умалило нравственного значения и художественной ценности его лирики. «Я убит подо Ржевом» (1946), «В тот день, когда окончилась война» (1948), «22 июня 1941 года» (1950), «Их памяти», «Сыну погибшего воина» (1949–1951),

«Жестокая память» (1951) и другие стихотворения великого поэта и гражданина не дают забыть о безвозвратных утратах войны и о цене Победы. Стихотворение «В те дни за границей» (1951) возвращает память к предпобедным дням в Восточной Пруссии, когда запах пороха смешивался с густым ароматом сирени. Много позже, в 1966 г., появится стихотворение «Лежат они, глухие и немые...» «как отголосок давнего замысла — главы “Девичьей” для “Книги про бойца”» (М. И. Твардовская), — замысла, тоже родившегося на восточнопруссских дорогах...

«Дом у дороги»

Лирическая хроника «Дом у дороги» была задумана еще в первый год войны. Начальные наброски к поэме занесены в рабочую тетрадь в августе 1942 г. «...Я чувствую, как необходимо мне это, — писал Твардовский Марии Илларионовне 17 августа, после того как послал ей первые две главы, — одним “Теркиным” я не выговорюсь. По всей видимости, будет одновременно расти другая книжка».

«Летом и осенью 1943 г., — свидетельствует А. Кондратович, — Твардовский, закончив своего “Теркина”, вплотную засел за нее...» Пять глав поэмы публикуются поочередно в номерах «Красноармейской правды» за декабрь 1943 г. и январь 1944 г.

Тогда, в 43-м, к дальнейшей работе над «Домом у дороги» Твардовского подвигло особо значимое для него обстоятельство: летом начал наступление Западный фронт, в задачи которого входило освобождение Смоленской области. В сентябре его войска освободили родные места поэта. «...И то, что он увидел, — писал А. Кондратович, — потрясло его. Загорья не было». Пепелище отцовского дома, поросшее «дурной травой запустения», едва удалось отыскать...

И если «Теркин» — это судьба солдата, то «Дом у дороги» — судьба тех, кого оставил солдат, уходя на войну. Как отмечает Ю. Буртин, «нравственно-эстетические принципы Твардовского в обеих поэмах одинаковы», но «содержание образа войны в них явно разнится»: в «Книге про бойца» важное место занимает тема «войны-работы» — в «Доме у дороги» на первый план выходит тема «войны-беды». Ее следствие — трагическая судьба множества семей, чьи дома были разорены или сожжены, трагическая судьба миллионов мирных жителей — женщин, детей, попавших в оккупацию, оставшихся без защиты и помощи и угнанных врагами на чужбину. Тяжело солдату на фронте, в бою. Но еще тяжелее — увидеть разрушенным свой дом и не ведать, что случилось с родными.

Вот как сам автор характеризовал тематику новой поэмы, работа над которой захватила его, и не только как очевидца: «Тема ее — война, но с иной стороны, чем в “Теркине”, — со стороны дома, семьи, жены и детей солдата, переживших войну». И потому в основе поэмы — тяжелая судьба простой крестьянской семьи — Андрея и Анны Сивцовых и их детей. (Сколько людей в ту пору в героях поэмы могли бы узнать себя!)

А особенности жанра Твардовский определял так: «Эта вещь — лирическая, развитие темы происходит по иным, чем в повествовательной форме, законам...» Поэма отобразила истинное лицо войны, показала войну как «тягчайшую трагедию народа» (А. И. Кондратович) именно благодаря тому, что изображение судьбы одной семьи дается здесь вкупе с панорамным изображением судьбы народа, автор концентрирует свое внимание на передаче переживаний, эмоционального состояния отдельного человека и целых

групп людей. Это чувства героя, прервавшего свой труд «в тот самый час воскресным днем» и покинувшего «круг родной и тесный»; «тоска неизбежная» героини, проводившей мужа на фронт, ее тревога о супруге и забота об оставшемся без хозяина доме и детях; терзающее отступавших бойцов ощущение тяжелой вины перед жителями, остающимися на территории, которую вот-вот займет враг; метания и растерянность беженцев, не успевших уйти на восток... И сколь драматична борьба в душе Андрея Сивцова, пробиравшегося из окружения к линии фронта, между долгом и соблазном остаться с семьей в родном доме. А как горьки картины, изображающие пленных красноармейцев:

Не доведись вам за войну,
Жена, сестра иль мать,
Своих
Живых
Солдат в плену
Воочью увидеть.

...Сынов родной земли,
Их стыдным, сборным строем
По той земле вели
На запад под конвоем.

<...>

Поникнув от жары,
Переставляют ноги.
Знакомые двory
По сторонам дороги.

<...>

Год или только час
Прошел без проволочки?..

«Ах, на кого ж вы нас
Кидаете, сыночки!..»

<...>

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица...

Не «изменники Родины», каковыми считали тогда всех попавших в плен, а «сыны», «сыночки»... Задолго до официальных постановлений и указов поэт реабилитировал военнопленных в глазах своих современников.

Речь идет о событиях уже более чем семидесятилетней давности, причем в произведении, тогда же и созданном, а динамичный слог, точность психологических характеристик, глубина понимания свершающегося придают «Лирической хронике» актуальное звучание и убеждают в том, что Твардовский намного опередил свое время. Более того, он не только связал «ту» современность с «нашей», но и обратил нас к традиции, восходящей к образам фольклора и древнерусской литературы. Во всяком случае, такие ассоциации в нашем сознании возникают, — и в угнанной в чужую землю Анюте, стремящейся всеми силами уберечь от смерти детей, мы находим нечто общее с былинной

Авдотьей-Рязаночкой, а ее думы-заботы о муже в чем-то сродни «плачу» Ярославны, и сама она напоминает героинь народных песен.

В предпоследней, 8-й, главе действие происходит в Восточной Пруссии, куда попадает со своими тремя детьми Анна Сивцова и где рождается ее четвертое дитя:

И начал жить, пока живой,
Жилец тюрьмы с рожденья.
Чужое море за стеной
Ворочало камня...

Где это могло быть точно — локализовать трудно, однако можно предположить, что в одном из лагерей, находившихся у побережья залива Фришес-хаф — на территории современной Польши (ныне Вислинский залив) либо Калининградской области (ныне Калининградский залив). На территории Польши был нацистский концлагерь Штутгоф (теперь здесь расположен мемориал). «Сюда сгоняли на уничтожение интеллигенцию Европы — немецких антифашистов, польских ученых, врачей, учителей, за ними последовали неугодные гитлеровцам французы, бельгийцы, голландцы, итальянцы. Гнали сюда и женщин из разных стран, в том числе из Советского Союза...» (В. Захарченко). Несколько лагерей находилось на территории округов Хайлигенбайль и Прейсиш-Эйлау (Мамоновский городской округ и Багратионовский район).

Весной, в пору полевых работ, семью Анны берет к себе хозяин хутора:

И хоть весна — везде весна,
А жутко вдруг и странно:
В Восточной Пруссии она
С детьми, Сивцова Анна...

Она работает за двоих. Анна и дети живут надеждой: «Вот наш отец придет сюда / И нас возьмет отсюда...» Куда, предположительно, «могли попасть» герои поэмы? Скорее всего, на один из хуторов округа Прейшиш-Эйлау (к слову сказать, эти места Твардовскому и его товарищам по «Красноармейской правде» знакомы не понаслышке).

«Трагизм “Дома у дороги” многократно усилен возвращением отца, мужа, хозяина, солдата-победителя к пепелищу родного дома, спаленного войной» (В.А. Прокофьев). Парадокс заключается в том, что герой и героиня словно «меняются» исконными ролями. *Она* должна ждать его — здесь *он* ждет ее. Строит новый дом на месте пепелища и ждет. Ибо только с возвращением супруги и детей стены дома наполнятся настоящей жизнью.

В поэме открытый финал: автор не ставит точку в судьбе героев и оставляет нас, читателей, в тот момент, когда мы полностью вовлечены в сопереживание, когда в нашем сознании пульсирует та же мысль, что и в сознании главного героя: только бы вернулись, только бы...

Персонажи поэмы, имевшие множество прообразов в реальной жизни, обрели особую глубину и психологическую достоверность благодаря масштабности художественного обобщения, силе таланта ее создателя. Но при том нерв поэмы — ощущение автором личной причастности к происходившему. И дело

не только в его беспокойстве о родных, в его сострадании к людям, оказавшимся в разлуке с семьей и в особенности пережившим трагедию утраты.

«Дом у дороги» — это доказательство того, насколько дорога была Твардовскому «мысль семейная». (Как тут не вспомнить Л. Н. Толстого и его героев, которым он «доверил» эту заветную свою мысль и которые трепетно несли ее через войну, сберегали «в тревогах суетного мира»?) Дом, в самом высоком смысле, понимался Твардовским прежде всего как семья — общность по крови и духу очень близких и любящих друг друга людей. Дом для него — это пространство свободы, где не надо бороться за право быть самим собой. Мария Илларионовна, жена поэта, была его первой читательницей и критиком; обладая уникальным стилистическим чутьем, она правдиво и искренне оценивала его произведения. Обращенные к ней письма супруга полны нежности и безграничного доверия. Вот, например, строки одного из них, написанного в трудные дни 1942 г. и отправленного с оказией из Воронежа в Чистополь: «...я больше всего думаю о трех вещах: о войне, о своей работе и о тебе с детьми. И все это не порознь, а вместе. Т. е. это и составляет мое каждодневное духовное существование... И не знаю, как бы тяжело мне было, в сто раз тяжелей, чем бывает порой, если б не было у меня тебя и детей. Все так серьезно на свете, милая, что, я думаю, те люди, которые сберегут свою нежность и привязанность друг к другу теперь, те уж будут навеки неразлучны...» Она ободряла поэта в трудные моменты жизни, в которых не было недостатка, поддерживала его веру в себя: «Помни, Саша, что работать надо в любых условиях и при любых обстоятельствах. В этом наше утешение и спасение» (11 декабря 1944 г.). Письма Твар-

довского дочерям — свидетельство доверительных отношений, основанных на любви, понимании и дружбе. Его отцовские наставления лишены менторского тона и пронизаны заботой о родных и дорогих ему людях...

По сути, примерно такой характер имели отношения и в крестьянской семье Сивцовых, которые тосковали друг по другу не по причинам, отмеченным поговоркой: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем». Глубинная, неафишируемая теплота отношений скрепляла узы в их доме.

Дом — символ и оплот мира, жизни, счастья. Но если по дорогам Родины движется война — большая ли, малая — этому оплоту грозит разрушение. Что может противостоять разрушению, даже если оно свершилось как факт, когда «физический» дом уничтожен? Мысль о доме. И любовь. Сбереженная мысль о доме подскажет, как возродить его, как обрести его заново, а любовь даст на это силы.

Еще несколько слов об истории поэмы. В 1944 г. Твардовский откладывает тетрадку с незавершенным произведением и возвращается к нему только в 1945-м, уже будучи в Восточной Пруссии. Мария Илларионовна вспоминала, что весной 1945 г. он работал над «Домом у дороги» все более интенсивно.

В первый послевоенный год поэма «Дом у дороги» была завершена и опубликована в журнале «Знамя» (1946, № 5, 6), причем в существенно переработанном виде.

В 1947 г. Постановлением Совета Министров СССР «За выдающиеся заслуги в области искусства и литературы за 1946 год» Твардовский был удостоен за это произведение Государственной премии 2-й степени. Отдельной книгой поэма вышла в Воениздате в 1948 г.

Тема дома, семьи нашла отражение и в других произведениях Твардовского. Например, в стихотворении «Дорога до дому» (1945) — о солдате, прошедшем сначала от Буга до Волги, а потом от Волги до Варшавы, затем до Берлина и вдобавок еще получившем «приказ о Дальнем Востоке»:

И вот совершает четвертый конец.
И снова в пути за войною
Не справа, так слева оставил боец
Проездом селенье родное.

Солдатское дело — забудь обо всем.
Но был он не только солдатом,
А был он и мужем жене, и отцом
Своим голопузым ребятам...

Боец «до дому спешил / Четыре с надбавкою года». И его чувства предельно близки и лирическому герою, стоящему за местоимением не «я», а «мы», и реальному автору:

Что значит так долго не видеть семьи —
Мы, люди, семейные, знаем...

А на долю солдата выпало поистине двойное счастье: и жив остался, и семья цела...

Когда читаешь Твардовского, возникает ощущение, что мотивы «дом» и «дорога» — ключевые, сквозные в его творчестве. Во всяком случае, ими пронизан целый блок военных стихотворений: «Баллада о товарище» (1941–1942), «Дом бойца», «Земляку», «Дорога на Запад» (1942), «Когда пройдешь путем колонн...»

(1943), «В жизни воина дорожной...» (1944) и др. А стихотворения «Зачем рассказывать о том...», «В пути» (1943) появились, в сущности, в результате работы над поэмой.

Близко «Дому у дороги» по своей фабуле пронзительное, трагичное стихотворение Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату» («Прасковья»). Написанное в 1945 г. и положенное на музыку Матвеем Блантером, оно стало песней, которая долго, вплоть до 1960 г., не пропускалась на радио. Мы, октябрятки-пионеры 60-х годов, от родителей, потерявших своих родных в войну, знали, что День Победы — главный праздник. А ветераны были тогда совсем не старыми людьми — трудились на производстве, а общественная жизнь, по большей части, на них в городе и держалась. Их было еще много — людей из поколения победителей. 9 Мая они, еще крепкие, полные сил, выходили на улицы в орденах и медалях, шли к братской могиле своих сверстников, погибших на войне и навсегда оставшихся молодыми. Из всех репродукторов звучали песни на стихи Фатьянова, Суркова, Симонова (память так и внесла их в любимые песни детства)... И вдруг — голос Бернеса:

...Куда ж теперь идти солдату,
кому нести печаль свою?

<...>

Хмелел солдат, слеза катилась,
слеза несбывшихся надежд,
и на груди его светилась
медаль за город Будапешт...

Перехватило дыхание, и — слезы в глаза... И пусть представляли мы, родившиеся здесь, в бывшей Пруссии, сжигаемую фашистами хату в виде домика в серой штукатурке под крышей из красной черепицы, да и в безбедном, веселом детстве еще не знали утрат, а так защемило внутри и так жалко стало солдата, как будто живую видели и тоненькую дорожку слезы на его запыленном лице, и блеск медали за Будапешт, который был где-то далеко-далеко, и представлялось, как из этого далека долго-долго шел человек в выгоревшей гимнастерке и пилотке со звездочкой и уже радовался, что подходит к дому, — а идти-то, оказалось, и не к кому... Это было, наверное, одно из первых потрясений детских лет.

С «Домом у дороги» мы познакомились много позже, каждый в свое время. И эпизод, увековеченный в песне, развернулся в картину народной трагедии, оставившей столько ран на теле страны и в людских душах. А с тем пришло понимание, что раны эти не зажили по сию пору.

«Родина и чужбина»

Многие очерки, включенные Твардовским в книгу «Родина и чужбина», публиковались во фронтовых и центральных газетах в годы Великой Отечественной войны. В 1947 г. книга полностью была напечатана в журнале «Знамя» (№ 11, 12). И тут же подверглась разностной критике. «Фальшивая проза» — под таким заголовком-«приговором» была опубликована одна из критических статей в «Литературной газете». Однако вынесенный в заголовок «эпитет» прямо противоположен сути творческих принципов Твардовского. Этим принципам в полной мере соответствуют очерки, созданные на основе дневниковых записей и содержащие «правдивые штрихи жизни живой, не подставной и не обчесанной под требования» (А. Т.). Они впечатляют ненадрывной силой чувства, емкостью лаконичных характеристик. «Память первого дня», «Из утраченных записей», «Надя Кутаева», «Дети и война», «Супчику хочется», другие очерки — все это зарисовки эпизодов, из которых складывается многомерная картина жизни человека на долгой войне: драма человеческих судеб, военный быт, душевные переживания, память, надежды... (Отдельным изданием «Родина и чужбина» вышла только в 1959 г.

Многие очерки, помещенные в журнальной публикации без названия, как главы под порядковыми номерами, обрели заголовки.)

Мы остановимся только на нескольких произведениях этого цикла — тех, где речь идет о Восточной Пруссии.

Первый из очерков, в котором упоминаются ближние к Восточной Пруссии края, называется «По литовской земле»: «А наши, русские девки и бабы с детишками и подростками, — орловские, брянские, смоленские — бредут, бредут оттуда, из-за Немана, по этим проселкам, где войной и не натоптано как следует. <...> Бредут к обгорелым трубам, к пепелищам, к незажитому горю, которого многие из них еще целиком и не представляют себе, какое оно там ждет их». (А. Т.). (Этот фрагмент очерка почти дословно соответствует записи в рабочей тетради от 10 августа 1944 г.) Людские потоки двигались на восток из освобожденных от фашистов районов Литвы, откуда до Восточной Пруссии было «рукой подать».

В очерке «С дороги» говорится о событии, происшедшем незадолго до начала Восточно-Прусской операции, 12 сентября, на реке Шешупе (приток Немана), по которой проходила граница между входившей в состав СССР Литвой (тогда Литовской ССР) и Германией. Автор должен был выезжать в Смоленск, на годовщину освобождения от немецко-фашистских захватчиков, и собирался в дорогу «на подворье одной прифронтовой литовской усадьбы, откуда можно еще было отчетливо слышать артиллерийскую пальбу», но которая уже была тылом, пройденным войной и оставленным без разрушений. «В сводке Информбюро в этот день говорилось, что на участке нашего

фронта поиски разведчиков и артиллерийская перестрелка. А одна из страниц фронтовой газеты рассказывала о наших автоматчиках, окопавшихся на том берегу Шешупы, на немецкой земле» (А. Т.). «...Мысль об этих людях долго не покидала нас в дороге», — пишет Твардовский. «Темная, по-осеннему тяжелая» вода Немана, вдоль которого пролегало шоссе, «не давала забыть о такой же по-осеннему неприветливой воде Шешупы, которую на днях перешли наши ребята по зыбким, глубоко затопленным доскам маленькой переправы». Один из них воевал уже три с половиной года, отступая на восток по своей земле, потом отвоевывая ее у врага. Необычайно символично это «как будто и небольшое в масштабах фронта событие» — «выход горстки наших за границу родной державы»: «...он, воин-освободитель, наконец-то там, за Шешупой, на чужой, немецкой земле, на земле, откуда пришли *они*, которая взрастила их поколение, причинившее людям столько горя». Впервые очерк, без названия, был опубликован в книге «Смоленский альманах» (1947, кн. 2), а основой для него послужили записи в рабочей тетради от 17 сентября 1944 г. (Смоленск) и 26 сентября (Каунас).

В маленьком, в полторы странички, очерке «В глубине Литвы» восточнопрусская граница только упоминается: «Война так велика, если взять хоть по одной линии, от столицы до восточнопрусской границы, так велика от одного своего края до другого, от одного края до середины и от середины до другого края, так много уже вобрала в себя погоды, природы, времен года и стольким-стольким не дала дойти до середины своей, что мы, живые, вряд ли еще сознаем, как бесповоротно мы постарели от нее, как много ушло жизни,

втоптано в эти годы». В емкой фразе, обозначившей, что есть (или была) война лично для автора и миллионов его соотечественников, эта граница — преодоленный рубеж. Главное — то, что о многом «уже нельзя начать речь, не сказав вслух или мысленно: это было, когда война еще шла на нашей земле» (А.Т.). Очерк создан на основе записей, сделанных в рабочей тетради 20 ноября 1944 г., во время поездки в Москву, и записей, внесенных уже в другую тетрадь 10 января 1945 г. в Каунасском уезде. «Живем мы в русской деревушке вблизи железнодорожной станции, на путях которой стоит наш поезд, — пишет Твардовский в очерке. — Русский народ, деревня, говорящая чисто по-русски, быт и природа, удивительно похожие на наши, — и все это за тридевять земель от большой России, в глубине Литвы». К концу октября 1944 г., в результате Гумбинненской наступательной операции, был взят Шталлупёнен (Нестеров), но дальнейшее продвижение советских войск было остановлено.

Редакция «Красноармейской правды» даже в начале января 1945 г. располагалась еще под Каунасом, в уже упомянутой нами в главе о «Теркине» деревушке Рудмяны (лит. Рудменай, ныне населенного пункта с таким названием нет), что была неподалеку от села Ужусаляй (ранее Ужушоле, в 1940-е Зосули), в котором с XVIII в. живут староверы и которое с 1843 г. называлось Александровкой, а с 1887, вплоть до 20-х годов XX в. — Александровской Слободой, — здесь и сейчас стоит храм во имя Святого благоверного князя Александра Невского, воздвигнутый в 1866 г. (некогда село было центром Александровской волости Ковенского уезда, теперь это административный центр старостата Ужусаляй Йонавского района Каунасского уезда).

Очерк «За рекой Шешупой» под тем же названием впервые печатался в «Смоленском альманахе» (кн. 2, 1947), тогда его объем и композиция были иными, нежели в окончательном варианте, состоящем из трех частей. Начальная, до слов: «Колонна приняла вправо...», перенесена автором из ранее опубликованного очерка «Из записной книжки» («Красноармейская правда», 1945, 1 января). Ширвиндт, первый город Восточной Пруссии, взятый советскими войсками (17 октября 1944), располагался на пограничной реке Шешупе, форсированной войсками 3-го Белорусского фронта 16 октября 1944 г. С сентября 1939 г. в нем размещался лагерь для военнопленных («Офлаг-60»), в котором умерло 4 тысячи человек. После Второй мировой войны в Ширвиндте остались целыми лишь два дома. С 1947 г. это пос. Кутузово Краснознаменского района Калининградской области (в соответствии с совр. административно-территориальным делением относится к Добровольскому сельскому поселению Краснознаменского муниципального района).

(В некоторых изданиях, в примечаниях к очерку, в частности, в 4-м томе Собрания сочинений А. Т. Твардовского в 6 томах, указывается, что Ширвиндт — это Кудиркос-Науместис. Однако это не так. Город Кудиркос-Науместис Шакаяйского района Марямпольского уезда Литвы расположен неподалеку от бывшего Ширвиндта, на противоположном берегу пограничной реки Шервинты /Ширвинта, нем. Ширвиндт/, у места ее впадения в Шешупе /Шяшупе/. Прежние его названия — Владиславов (1639–1918), Нейштадт-Ширвиндт (1808), Науместис (до 1934). Кудиркос-Науместис освобожден в ходе Гумбинненской наступа-

тельной операции войсками 3-го Белорусского фронта 16 октября 1944 г.)

Вторая часть очерка (от слов «Колонна приняла вправо...» до слов «...когда не было уже в живых Смоленска как города, Вязьмы и сотен других городов») представляет собой переработанный фрагмент очерка «Гори, Германия!» («Красноармейская правда», 1945, 25 января), в котором изображаются апокалиптические картины пылающего Инстербурга. Взятый штурмом город горел из-за жарких боев и из-за того, что, уходя, его обстреливали уже сами гитлеровцы. Охвативший его пожар воспринимался как возмездие за сотни погибших городов России и Европы. В процессе работы Твардовский, как мы уже отмечали, снял и прежний заголовок, и рефрен «Гори, Германия!», и наименование Инстербург. В новом варианте, без конкретного наименования, образ горящего вражеского города обрел обобщенный, символический смысл.

В третьей, заключительной части очерка «За рекой Шешупой» речь идет о дорогах чужой земли: «На многих деревьях вдоль дорог Восточной Пруссии до сих пор держится листва. Сухой, шуршащий трепет ее на зимнем, выюжном ветру провожал немцев, отступавших в глубь страны. Затем началась ростепель, и эта листва придорожных аллей, мокрая, распаренная, совсем уже не вязалась с весенними приметам — обтаявшей землей, взбухшим и уже треснувшим кое-где льдом на речках. Похоже, будто перепуталось что-то на этой земле, произошло не так, не в свои сроки и не само собой, а по иной, грозной и неотвратимой воле. Точно совершилась над этой землей предреченная ей и заслуженная страшная кара».

Путаница в природе — словно «внешнее сопутствие той поистине страшной кары». Кары немцам за то время, когда они «в войне только приобретали», — за захват территорий целых государств, присвоение массы имущества и ценностей, вывоз в неволю миллионов людей из оккупированных стран. «Но с того дня, как они перешли нашу границу, они уже не могли приобретать не теряя». К потерям танков, самолетов, солдат и офицеров прибавились потери сначала захваченных чужих земель, затем и своих собственных, потери своего имущества вкупе с награбленным, потери «рабов»... «И наш воин, встречая по пути своего продвижения разноязыкий люд, бредущий из плена домой... — подчеркивает автор, — натурально видит себя воином-освободителем». Для одних дороги Восточной Пруссии — дороги к победе, для других — дороги домой...

Записи о поездке в Инстербург, которые Твардовский внес в рабочую тетрадь в Литве, в деревне Чиста-Буда (в 1913 г.— центр гмины Антонова, ныне относится к Саснавскому старостату Марьямпольского самоуправления Марьямпольского уезда), 25 января 1945 г., стали основой для очерка «В самой Германии» (впервые, без названия, опубликован в журнале «Знамя», 1947, № 12). Из пяти частей очерка три (первая, вторая и четвертая) связаны с той первой поездкой в Инстербург напрямую, одна (третья) — опосредованно и еще одна (пятая) имеет отношение к двухнедельному апрельскому пребыванию автора в этом городе вместе с редакцией «Красноармейки» (записи от 20 апреля 1945).

«Глубокая Германия» с ее полями и вешками у дорог (здесь это поля и дороги в окрестностях

Инстербурга, находившегося почти на середине пути от границы до еще не взятого Кенигсберга), о которой и год, и два, и даже три назад думалось как о недостижимой территории врага, оказалась на деле так похожей на все виденное ранее и под Москвой, и в воронежской степи, и в Финляндии. «Но тот сон о возмездии, явись он тогда, был бы слаще того, что видишь теперь в натуре, — замечает вдруг автор в первой части. — “Ломать — не строить”, — все чаще вспоминаются эти невыразимо вместительные слова солдата-дорожника». И в этих словах, слышанных еще в Ширвиндте, было как будто уже больше того, «чего никак отдельно не выразишь».

Вторая часть — зарисовка «в горящем, шипящем и осыпаемом с неба снегом с дождем городе без единой души жителей» (бургомистр Инстербурга доктор Вандер действительно эвакуировал, на свой страх и риск, вопреки приказу гауляйтера Коха, мирных жителей перед самым приходом советских войск), эпизод с хмельным солдатиком в пустом ресторане.

Третья — «одно воспоминание от Погорелого Городища», о погорельцах у костра (то, о чем первом подумалось военкору Твардовскому в горящем после штурма Инстербурге).

Четвертая — о первой немке-жительнице, увиденной автором в Германии (точнее, в Инстербурге), — не то больной, не то обезумевшей...

Пятая — о неожиданно пришедшем там же, в Инстербурге, воспоминании, как в юности ходил в Пересну за книжками (с чего мы и начали наше повествование).

Имя города и в этом очерке не называется — автору и в данном случае не нужна конкретизация: судьба

Инстербурга и присущие ему черты позволили автору увидеть в нем и символ возмездия за развязанную Германией войну, и образ «самой Германии».

Очерк «Солдатская память» — портрет русского воина (впервые, под тем же названием, в газете «Красноармейская правда», 1944, 26 декабря). Главный герой, Алексей Федорович Богданов, в июле 41-го года «оставил должность бухгалтера приискового продснаба в Сибири» и от русского городка Демидова, где подбили его первую пушку, дошел до земель Восточной Пруссии. Свой боевой путь он помнил «досконально, число за числом»: «Может быть, дело здесь отчасти в навыках его довоенной профессии, которая любит точность и аккуратность. А вернее всего сказать — не так легко забыть то, что отмечено особыми боевыми метами в жизни человека». Ему около сорока, он «из тех русских крестьянских самородков, что обладают большим упорством, любознательностью и неуклонным стремлением к овладению какой-либо специальностью, делом, требующим настойчивости и терпения». Награды (три ордена и медаль) и раны для него — «зарубки памяти» на трудных солдатских дорогах. «С четвертой пушкой Богданов перешел речку Шешупу, что отделяла Восточную Пруссию от нашей страны». Под Вилюпенем был контужен, но скоро вернулся в строй. Он «никак сейчас не похож на бухгалтера»: «Такое лицо может быть и у колхозников, и у наркома, и у генерала, и у солдата». Очерк-портрет воссоздает и индивидуальную судьбу конкретного человека — «русского крестьянина, человека интеллигентного труда, семьянина и воина», и обобщенный образ защитника родной земли, преодолевшего неуспех, научившегося побеждать и благодаря этому

воюющего уже на земле противника. Война не иссушила его душу, не сделала «плоским» и однозначным его внутренний мир — автор оставляет своего героя в минуту отдыха: «...на лице его выражение скромной задумчивости, какая бывает на лицах людей, которым не скучно наедине со своими воспоминаниями».

Ну а теперь несколько слов о восточнопрусском населенном пункте, упомянутом в очерке. В наименовании «Вилюпен» допущена опечатка: в Восточной Пруссии такого населенного пункта не существовало, но были два селения со сходными наименованиями — Вилюнен (Виллюнен) и Вильпен. Первый из них значится в сводках Информбюро как укрепленный пункт противника, за который шли жестокие бои, он был взят 18 октября 1944 г. 192-й Оршанско-Хинганской Краснознамённой стрелковой дивизией. Вилюнен располагался западнее Ширвиндта, в округе Шлосберг (центр округа, г. Шлосберг, до 1938 носил название Пилькаллен, после войны сначала был переименован в г. Красноармейск, а с 1947 — в пос. Добровольск), ныне это территория Добровольского сельского поселения Краснознаменского района близ озера Бородинское (ранее Виллюнер-зее) и кургана Измайлово, само селение не сохранилось.

В очерке «Грюнвальдское преступление» повествуется о трагическом событии, происшедшем в той части Восточной Пруссии, которая ныне принадлежит Польше.

2 февраля 1945 г. войсками 3-го Белорусского фронта был взят Ландсберг (Гурово-Илавецке). В близком к линии фронта тылу, в нескольких километрах к югу от Ландсберга, в деревушке Грюнвальде (Зеленица), был размещен медсанбат одной из дивизий.

К этой деревушке прорвалась группировка фашистов в составе десяти самоходных орудий с десантом автоматчиков. Они жестоко расправились с ранеными бойцами и пытавшимся их защитить медперсоналом. Укрывшихся в подвале фашисты отравили душающим газом из выхлопной трубы самоходки — этот метод умерщвления в годы войны широко применялся не только карательными вражескими подразделениями. 9 февраля на месте трагедии побывал А. Т. Твардовский, который в течение двух недель по заданию редакции совершал поездки в расположение 5-й и 31-й армий. Вернувшись в Инстербург, где тогда располагалась редакция, он внес записи в рабочую тетрадь (20 февраля 1945 г.). Очерк был опубликован в «Красноармейской правде» 24 февраля, а затем напечатан в «Красной звезде». Автор не мог тогда, по понятным причинам, указать в газете номера частей и соединений наших войск, он назвал только фамилии нескольких врачей и водителя, погибших в неравном бою: командир медсанбата, майор медицинской службы Ковыршин, майор медицинской службы Арнольди, начальник штаба медсанбата, старший лейтенант Квочкин, красноармеец Присич. Но документы тех лет, ныне доступные, помогли установить, что в Грюнвальде размещался 288-й отдельный медико-санитарный батальон 88-й стрелковой дивизии 31-й армии. Майоры медицинской службы Алексей Яковлевич Ковыршин, Дмитрий Дмитриевич Арнольди, Александр Андреевич Сытников, старший лейтенант Пантелей Пантелеймонович Квочкин, санитары Никандр Александрович Крюков, Любовь Михайловна Кондакова, Тамара Алексеевна Александрова, Александра Васильевна Короткова, шофер Андрей Степанович Присич были похоронены

на воинском мемориале в г. Каунасе, шофер Сергей Савельевич Сандрыкин, санитар Василий Яковлевич Морозов — в округе Хайльсберг, в 200 метрах к северо-востоку от окраины деревни Грюнвальде. (В некоторых изданиях и документах конечная «е» в прежнем наименовании деревни «потеряна»: это немецкое название созвучно современному наименованию другого населенного пункта в Польше, связанного с исторической Грюнвальдской битвой. Однако Грюнвальд, возле которого в 1410 г. соединенными силами русских, литовцев и поляков было подорвано могущество Тевтонского, или Немецкого, ордена, не Грюнвальде. Его прежнее немецкое название — Грюнфельде, литовское — Жальгирис, и находится оно западнее Ольштына и южнее Оструды.) После описанных событий, кроме упомянутого Твардовским И. С. Герасимова, в живых остались две медсестры: А. И. Кузьмина и Н. М. Соловьева. Памяти врачей — героев Грюнвальде — посвящена серия статей в газете Военно-медицинской ордена Ленина академии им. С. М. Кирова «Военный врач» (1963, 23 февраля, 1 апреля, 1 мая) и в газете «Красная звезда» (1965, 16 марта); в Военно-медицинском музее при ВМА трагедия Грюнвальде подробно освещена (Р. М. Романова).

С женщиной, ставшей прообразом героини очерка «Настасья Яковлевна» (впервые опубликован в «Красноармейской правде», 1945, 2 марта), Твардовский встретился на Кенигсбергском шоссе. Очерк по содержанию отчасти близок поэме «Дом у дороги»: главные героини этих произведений, угнанные для рабского труда на чужбину, попадают в Восточную Пруссию, обеим помогает выстоять в труднейших обстоятельствах забота о детях. Настасья Яковлевна Маслова —

простая, малограмотная женщина из орловской деревни Коренево, «немолодая и не очень крепкая здоровьем», — могла бы в лагере умереть, если бы не ее стремление уберечь от беды дочь: в этом она видела смысл своей жизни. Потом она батрачила в поместье вблизи Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск) (название поместья не указывается — да в этом и не было надобности, — но мы можем предположить, что это могло быть в Ауклаппене, или Ротенене, или Грюнхёфхене, находившихся неподалеку от города). Несмотря на муки и унижения, сохранила она и свою добрую душу.

Очерк «Салют» написан буквально в день события и тут же сдан в номер («Красноармейская правда», 1945, 30 марта), очерк «У моря» подготовлен ему вслед («Красноармейская правда», 1945, 3 апреля; «Известия», 1945, 18 апреля). Оба — о событиях, связанных с ликвидацией хайльсбергской группировки гитлеровцев. Кроме названия небольшого мыса на побережье залива, здесь никакой географии не обозначено: «Правее маленького городка с гаванью, которая была последней для немцев, припертых к воде, встретили мы на мысе Кальхольцер-Хакен троих наших бойцов, только что вышедших из боя, потому что уже не с кем было воевать на этом участке». Но известно, что этот городок — Хайлигенбайль, взятый Красной Армией 25 марта 1945 г. Прибежищем гитлеровцев из хайльсбергской группировки на берегу залива Фришес-хаф оставался мыс Кальхольцер-Хакен (теперь это мыс Северный на полуострове Бальга в Калининградском заливе), но удержаться им не удалось: в результате боев, которые шли здесь 27–29 марта, они были сброшены в море либо взяты в плен.

В этих двух очерках — и пафос этого победного торжества, «и явственное предвестие другого праздника, который будет самым большим и радостным за эти бессмертные годы, праздника полной и окончательной Победы». И — лиризм, навеянный «присутствием» моря, берег которого «всегда кажется краем света», березкой на взгорке над поросшим камышом мелководьем...

10 апреля поэт побывал в Кенигсберге. Очерк о первом дне в городе-крепости, представляющей даже в «полуразмолотом виде» «настолько внушительно, что это несравнимо со всеми другими, уже пройденными городами Восточной Пруссии», под названием «Кенигсбергское утро» появился в газете «Красноармейская правда» 11 апреля. Его окончательный вариант печатался уже под заголовком «Кенигсберг».

В последней декаде марта — первой декаде апреля было столько поездок и переездов, что Твардовский не успевал вести записи. Только 11 апреля, опять в Инстербурге, он «сел за первый стол после длительного перерыва». За «порядочный срок», как он сообщает жене, «ничего не сделал, кроме самой газетной малости». «Но за этот период, — пишет он далее, — была поездка, которая мне даже снилась, настолько потрясла мой привычный уже ко многим впечатлениям аппарат восприятия... Это... поездка во взятый накануне ночью Кенигсберг». Он не удовлетворен очерками, которые дал в газету: «Я уже твердо решил сделать по Кенигсбергу и <по> Кальхольцер-Хакену... в своей тетрадке то необходимое, чего ни в коей мере не удастся сделать в насыщенной корреспонденции». И это он сделал в «Родине и чужбине». (Расположены в книге эти три очерка в ином порядке,

нежели в нашем обзоре: «Кенигсберг», «У моря», «Салют».)

Завершает книгу «Утро праздника». Очерк не о Победе — до нее оставалось еще несколько дней, — о первом майском празднике, проведенном вдали от Родины, в маленьком восточнопрусском городке, который «запомнится на всю жизнь». Этим городком был Тапиау (Гвардейск).

За книгу «Родина и чужбина» критика предъявила автору обвинение в политической отсталости, в «ущербном представлении о сущности советского патриотизма».

Валентина Александровна Твардовская вспоминала: «Наиболее тяжелый период наступил после войны, на рубеже 40–50-х, когда стихов отец почти не писал. И длилось это не месяц, не год, а несколько лет кряду. Мучительное разрушение прежней веры отвращало от стихов. У отца даже возникали мысли о самоубийстве. Об этом не знают ни читатели, ни почитатели его таланта, ни земляки поэта. Послевоенная жизнь народа-победителя, которую он видел на родной Смоленщине и во Владимирской области, где был депутатом, оказалась совсем не такой, какой представлялась на войне. Жизнь эту для него олицетворяла тетка Дарья

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избою без сеней
И с трудоднем пустопорожним
И с трудоночью — не по ней.

То, о чем отец хотел сказать в полный голос, было невозможно. Он говорил, что душа наедине с собою

не могла переступить этот страх перед страшными выводами».

В начале 1950 г., после уговоров Фадеева, Твардовский возглавил журнал «Новый мир», заменив на редакторском посту Константина Симонова, который переходил в «Литературную газету». «Твардовский увлекся работой в журнале сразу, — вспоминала сотрудница редакции Софья Караганова. — Во время первого своего выступления на редколлегии (присутствовала вся редакция) он очень волновался, от этого казался особенно красивым и молодым. Говорил приподнято, даже немного (по тем временам) старомодно. Слова забылись, но ощущение запомнилось».

В 1950 г. он был избран секретарем Правления Союза писателей СССР и работал на этом посту до 1954 г.

«Возвращение» Теркина

В 1954 г. Твардовского отстранили от руководства «Новым миром». Поводом для этого стала его новая поэма «Теркин на том свете». Сам факт «умерщвления» народного героя Василия Теркина и его путешествия по загробному миру оценивался как кощунственный и издевательский. Партийные функционеры посчитали, что в своей поэме автор насмехается над советской действительностью. Поэт писал в автобиографии: «Она [поэма «Теркин на том свете»], конечно, не является продолжением “Василия Теркина” в смысле многочисленных читательских предложений на этот счет, по поводу которых я давал объяснения в “Ответе читателям”, хотя и связана с “Книгой про бойца” непосредственно взятым из нее образом героя. Она возникла из иного, главным образом сатирического, задания и обращена к некоторым сторонам послевоенной действительности в том духе, как их оценивали XX и XXII съезды нашей партии».

И вот какая оценка была дана и поэме, и деятельности Твардовского и его единомышленников в Постановлении ЦК КПСС от 23 июля 1954 г. с характерным заголовком — «Об ошибках редакции журнала “Новый мир”»:

«ЦК КПСС отмечает, что редколлегия журнала “Новый мир” допустила в своей работе серьезные политические ошибки, выразившиеся в опубликовании ряда статей, содержащих неправильные и вредные тенденции (статьи В. Померанцева, М. Лифшица, Ф. Абрамова, М. Щеглова). Редактор журнала т. Твардовский и его заместители т. Дементьев и т. Смирнов готовили к опубликованию поэму А. Твардовского “Теркин на том свете”, в которой содержатся клеветнические выпады против советского общества. Все эти факты свидетельствуют о том, что в журнале “Новый мир” наметилась линия, противоречащая указаниям партии в области литературы. <...> ЦК КПСС постановляет:

Осудить неправильную линию журнала “Новый мир” в вопросах литературы, а также идейно-порочную и политически вредную поэму А. Твардовского “Теркин на том свете”. Освободить т. Твардовского А. Т. от обязанностей главного редактора журнала “Новый мир” и утвердить главным редактором этого журнала т. Симонова К. М.».

Таким образом, поэма, уже сверстанная для публикации в «Новом мире», была запрещена. Однако в начале 1961 г. Твардовский возобновил работу над новым ее вариантом, и этот факт зафиксировал в своих тетрадах 18 февраля: «Продолжаю перебеливать “Теркина на том свете”, как он стал уже было складываться в последний мой приступ к нему в 1959 г. Покамест идет хорошо. Очень доволен, в сущности, видя нынешний его вариант в перспективе, что старый вариант с его несовершенствами (чисто художественными) не увидел света. Одна беда, что тогдашнее его запрещение может помешать и новому варианту явиться на свет божий, но тут уж — будь что будет».

В 1963 г. обстановка складывалась так, что публикация поэмы Твардовскому представлялась невыносимой: в декабре 1962 г., во второй срок редакторства в «Новом мире», он рискнул напечатать повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (об этом в другой главе напишем чуть подробнее).

И все-таки поэма увидела свет в том же 1963-м, после прочтения ее Н. С. Хрущеву: 17 августа ее печатают в московском вечернем выпуске «Известий», а 18 августа — в основном, 5-миллионном, тираже газеты. Причем предисловие написал сам главный редактор — А. Аджубей, зять Н. С. Хрущева. В издательстве «Советский писатель» она выпущена тиражом 150 тысяч экземпляров. Впрочем, эта книжечка так и осталась единственным прижизненным отдельным изданием поэмы. Вот она в руках: маленькая — карманного формата, в мягкой обложке, с иллюстрациями фронтального друга поэта — Ореста Верейского, без предисловий и послесловий, ценой в 11 тогдашних копеек, а теперь — бесценная, — недавний дар одного из читателей, берегшего «опальную» буквально полвека... Представляете, каково было увидеть ее теперь, зная, через какие «тернии» «возвращался» Теркин «с того света»? Без трепета в руки не возьмешь...

Чего так боялись те, кто «стопорил» выход поэмы на «этот свет»? Не иначе как «правды сущей», бьющей в цель. И яркой, острой сатиры — поскольку поэма представляет собой смелую сатирическую энциклопедию советской жизни. Главная ее мишень — бюрократизм и чиновное бездушие.

«Возвращению» был поставлен «заслон»: Теркина на этом свете не ждали...

Дали дальние и ближние

В своей рабочей тетради 3 января 1961 г. поэт писал, подводя итоги предыдущего года: «...трудный, серьезный, бесповоротный год — позади. Уже мне полагается говорить 51. Все на счету, как еще не было, — на строгом, безжалостном счету. За год после “Далей” — почти ни строки, если не считать пустяков и “гимнических” усилий. Угроза затухания потенциала даже в отношении прозы. Тяготы с журналом, все более бесперспективные». У поэта были основания считать прошедший 1960 г. сложным, особенно после публикации в «Правде» главы о Сталине «Так это было» из поэмы «За далью — даль», вызвавшей многочисленные разноречивые отклики.

«Гимническими» усилиями поэт назвал свою работу над текстом нового Гимна СССР взамен прежнего, славившего И. В. Сталина. К этой работе Твардовский был привлечен еще в 1959 г. вместе с М. В. Исаковским, С. М. Смирновым, Н. М. Грибачевым и П. У. Бровкой. В феврале 1961 г. в Москве состоялась встреча всех ответственных за Гимн поэтов. Однако она ничего, «кроме неприятного чувства, не принесла».

В мае 1961 г. за поэму «За далью — даль» А. Т. Твардовскому была присуждена Ленинская премия.

На церемонии в Кремле поэт сказал: «Я не могу не сделать одного признания. Я переживаю, как ни странно, чувство некоторой неловкости. Получаешь награду за то, что ты не можешь не делать, что приносит тебе муки, но и счастье...» Он передал Ленинскую премию на строительство клуба в своих родных местах на Смоленщине.

Первые главы поэмы были опубликованы в 1953 г., завершена публикация в 1960, благодаря поддержке Н. С. Хрущева. Автора волнуют острые проблемы современности, он стремится понять их причины. Поэма — не просто «путевые заметки в стихотворной форме». Это и лирика, и философия, и высокая публицистика в едином «сплаве». И пусть критики упрекали автора в «неровности» и «пестроты», эти черты произведения объяснялись, скорее, «переломным характером самого времени, долгим и тягостным процессом освобождения поэта от былых иллюзий» (А. М. Турков).

По складу своего характера Твардовский не мог оставаться в стороне от жизни. Он был депутатом Верховного Совета РСФСР нескольких созывов. Еще 22 февраля 1947 г. в «Литературной газете», в статье «Главное чувство», он писал об ответственности депутата-писателя перед народом. Ему довелось немало ездить по стране, в «дали дальние и ближние», встречаться со множеством людей. Особенно тревожило поэта состояние российской глубинки — бывая на родной Смоленщине, он видел, как приходит в упадок русская деревня.

В 1959 г. поэт снова был избран секретарем Правления Союза писателей СССР и оставался на этом посту до 1971 г. 7 июля 1961 г. Твардовский выступил на Всероссийском съезде учителей. Его речь о ключевом

значении литературы в процессе воспитания и критика формального подхода к ее преподаванию — «школа отучает и отлучает от литературы» — вызвала широкий резонанс. Остро чувствующий современность, он отстаивает ценность русской классической литературы, выступает со «Словом о Пушкине» в Большом театре на торжественном заседании 10 февраля 1962 г. В июне того же года выезжает на декаду русской поэзии в Тбилиси.

Твардовский участвует и в международных литературных форумах: в октябре 1957 г. он едет в Италию на конференцию «Поэзия нашего времени», в марте 1962 г. — снова в Италию, во Флоренцию, на конгресс Европейского сообщества писателей, посвященный взаимодействию мировой литературы и средств информации: кино, радио, телевидения (В.А. Твардовская). В 1963 г. он избирается вице-президентом Европейского сообщества писателей.

Либеральное движение, связывавшее будущее страны с развитием демократических начал, видело в Твардовском знаковую фигуру, и это было связано в первую очередь с его деятельностью на посту редактора «Нового мира».

Редакторской стезей

Твардовского вернули к руководству «Новым миром» в 1958 г., решением Секретариата Правления Союза писателей СССР, принятым на заседании 19 июня.

Постепенно формировалась редакционная команда. Вернулся в журнал А. Г. Дементьев, оставив пост главного редактора нового журнала «Вопросы литературы» (в «Новом мире» он опять был заместителем Твардовского), пришел А. И. Кондратович, работавший в журнале «Москва», другие литераторы, критики, публицисты.

«Новый мир» во главе с Твардовским стал уникальным явлением. Благодаря журналу читатель узнал новые имена ярких, талантливых писателей. Редактор смело отстаивал произведения А. Бека, М. Булгакова, В. Быкова, Г. Троепольского, В. Астафьева, В. Войновича, В. Дудинцева, Б. Можая, В. Некрасова, Ю. Домбровского, А. Яшина, мемуары В. Каверина, К. Симонова, И. Эренбурга, генерала А. Горбатова, стихи А. Ахматовой, Е. Евтушенко, Д. Самойлова, статьи сотрудников «Нового мира» — Ю. Буртина, И. Виноградова, А. Дементьева, Е. Дороша, А. Кондратовича, В. Лакшина, А. Марьямова, в том числе

и свои. Ему приходилось «воевать» с редакторами Главлита, заведующими отделами, секретарями ЦК и даже с полным составом Секретариата. Это нередко стоило невероятных усилий, и всегда редактор принимал удар на себя. Его принципиальность и неуступчивость раздражали «распорядителей жизни с верхних этажей политической и литературной власти» (И. Дедков), и в Секретариат ЦК поступали докладные цензуры и идеологических отделов ЦК КПСС с требованием «принять соответствующие меры» против руководства «Нового мира».

В октябре 1961 г. поэт участвовал в работе XXII съезда КПСС. В своем программном выступлении он изложил идейно-эстетические принципы, которым следовал сам как писатель и как редактор.

«Сильнейшее впечатление последних дней — рукопись А. Рязанского... с которым встречаюсь сегодня, — записал А. Т. Твардовский в дневнике 12 декабря. — И оно тоже обращает меня к “Теркину на том свете”». Это был рассказ «Щ-854. (Один день одного зэка)» А. И. Солженицына.

Твардовский решил публиковать его в «Новом мире», но, понимая что одной его воли для этого недостаточно, обратился с письмом к Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву: «Я не счел бы возможным посягать на Ваше время по частному литературному делу, если бы не этот поистине исключительный случай. Речь идет о поразительно талантливой повести А. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”. Имя этого автора до сих пор никому не было известно, но завтра может стать одним из замечательных имен нашей литературы. <...> Но в силу необычности материала, освещаемого в повести, я испытываю

настоятельную потребность в Вашем совете и одобрении» (6 августа 1962 г.). 20 октября Н.С. Хрущев принял Твардовского и во время беседы подтвердил, что «Один день Ивана Денисовича» надо публиковать: «...вещь жизнеутверждающая и написана, я считаю, с партийных позиций».

После публикации рассказа в «Новом мире» (1962, № 11) под предложенным Твардовским заголовком «Один день Ивана Денисовича» имя автора стало широко известным не только в СССР: в 1970 г. Солженицыну будет присуждена Нобелевская премия в области литературы.

(Кстати, Солженицын и Твардовский шли примерно одними дорогами войны, которые и того и другого в 1945 г. привели в Восточную Пруссию. Капитан Солженицын — командир батареи звукоразведки — воевал на 2-м Белорусском фронте. В районе города Толькемит — ныне Толькмицко, Польша — его арестовали, после того как соответствующие службы проверили его переписку. Особым совещанием НКВД он был приговорен к восьми годам лагерей.)

В первой половине 60-х «Новый мир» оставался чуть ли не единственным изданием, в котором регулярно печатались произведения современной зарубежной литературы, — в частности, таких авторов, как Генрих Белль, Жан Поль Сартр, Джером Дэвид Сэлинджер, Ирвин Шоу, Джон Чивер, Роберт Пенн Уоррен, Трумен Капоте, Натали Саррот. Только в 1962 г. здесь были опубликованы произведения Анны Зегерс, Хуана Гойтисоло, Эрнеста Хемингуэя, Антуана де Сент-Экзюпери, Роберта Фроста.

Однако более всего Твардовского тревожила судьба отечественной литературы. Этой тревогой пронизано

стихотворение «Слово о словах» («Новый мир», 1962, № 5). В нем поэт выражает свое понимание истинной ценности и действенности слова.

Встреча партийного руководства страны с творческой интеллигенцией, состоявшаяся 7–9 марта 1963 г., тревогу только усилила. Н. С. Хрущев и руководитель Идеологической комиссии ЦК Л. Ф. Ильичев говорили об «обострении идейной борьбы» и «невозможности мирного сосуществования идеологий социалистической и буржуазной». И такие события в сфере искусства, как постановка Г. А. Товстоноговым комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», мемуары И. Г. Эренбурга, путевые очерки В. П. Некрасова, опубликованные в «Новом мире», подверглись «разносу». Косвенно Н. С. Хрущев «зацепил» и журнал Твардовского. О переживаниях поэта в то время свидетельствует лаконичная и впечатляющая запись в «Новомирском дневнике» от 22 марта 1963 г.: «...Еще никогда, пожалуй, не было так трудно, однако и ясно на душе: дело плохо, но что же делать».

На IV пленуме Правления Союза писателей, проходившем в Кремле 26–28 марта, последовали откровенные выпады в адрес «Нового мира» и его редактора. Публикации И. Эренбурга, В. Некрасова, А. Солженицына «Новому миру» вменялись в вину, и делался вывод: «Очевидно, не все у нас обстоит благополучно с партийным руководством в журналах...» Цензура блокировала выпуск 4-го номера «Нового мира», не допуская к печати целый ряд материалов, и в первую очередь антитоталитарный роман-притчу «Чума» нобелевского лауреата А. Камю. Номер был подписан к печати спустя три месяца, и без романа А. Камю, рассказа Е. Ржевской «Второй эшелон», воспоминаний

Е. Габриловича. Но это были еще не самые сложные времена в истории «Нового мира»...

Несмотря на нападки, обостренное чувство справедливости побуждало поэта вступаться за опальные таланты.

Когда началась травля Иосифа Бродского, обвиненного в тунеядстве, судьба молодого поэта взволновала Твардовского. Вспоминая начало своего пути в поэзии, он писал в рабочей тетради: «...в молодости я длительный срок был таким “тунеядцем”, т. е. нигде не работал, мало, очень мало и случайно зарабатывал, мучился тем, что “я не член союза” (профсоюза), и завидовал сверстникам (...) — членам союза и получавшим зарплату». Однако это неустройство обернулось для него впоследствии другой стороной: «...я тянул и тянул эту стыдную и мучительную жизнь, как-то угадывая, что служба, работа в штате (ее, кстати, невозможно было получить) может подрубить все мои мечтания, и, в конце концов, выходит, что я был прав, идя на этот риск. А как я бросил с третьего курса Смол<енский> пединститут и за год “вольной жизни” написал “Страну Муравию”. Я никогда бы этого не сделал, не рискнув так решительно (много раз мне казалось, что ничего не выходит, бросить бы к черту, но бросать уже было нельзя, и так я дописал и “перешел в новое качество”». Твардовский был возмущен арестом Бродского, из-за чего между ним и А. Прокофьевым, возглавлявшим писательскую организацию Ленинграда, произошел конфликт. В сентябре 1964 г. Твардовский написал в защиту Бродского письмо. (А в 1966 г. он откажется подписать письмо Секретариата Правления Союза писателей, одобряющее приговор писателям А. Синявскому

и Ю. Даниэлю, которые обвинялись в антисоветской деятельности.)

Редактор «Нового мира» шел своей дорогой. В 1-м номере за 1965 г., в статье «По случаю юбилея», приуроченной к 40-летию со дня основания журнала, Твардовский подчеркивал: «Читатель остро нуждается в полноте правды о жизни. Ему претит уклончивость и непрямота художника... Задача литературы не в том, чтобы сопровождать, иллюстрировать “средствами художественного изображения” уже принятые решения, “оформлять” готовые общеизвестные положения. Настоящую помощь партии и народу писатель оказывает тогда, когда честно и смело изучает глубинные явления жизни, изображает нечто важное, новое, о чем, может быть, еще и речи не было в ежедневной печати, в каких-либо документах и узаконениях». Он старался помещать в журнале «дельную прозу» и публицистику — остро социальную, правдивую и художественно значимую. В книге о Твардовском (2010) А. М. Турков писал: «Редкий номер журнала не содержал острого, без оглядки на чины и лица, аргументированного, неопровержимого разбора произведений художественно несостоятельных или (и) реакционной направленности, продолжавших в прежнем духе приукрашивать реальную действительность, фальсифицировать прошлое... Тут можно назвать многие статьи и рецензии — Г. Березкина, А. Берзер, Ю. Буртина, Г. Владимова, М. Злобиной и др.».

Редакторская стезя сводит Твардовского с самыми разными людьми. Так, 22 марта 1966 г. состоялась его первая встреча с правозащитником Петром Григорьевичем Григоренко, бывшим генерал-майором. В свое время Григоренко преподавал в Военной ака-

демии им. М. В. Фрунзе, стал автором более 80 работ по военной истории, теории и кибернетике, подготовил докторскую диссертацию, но защита не состоялась, так как его уволили из Академии по политическим мотивам после выступления на партийной конференции Ленинского района Москвы с требованиями демократизации внутрипартийной жизни, а затем отправили в Уссурийск с понижением в должности. Он создал подпольный «Союз борьбы за возрождение ленинизма», который выпускал и распространял листовки с критикой советской бюрократии, карательной политики государства по отношению к рабочим. В 1964 г. Григоренко был арестован, обвинен в «антисоветской агитации и пропаганде», исключен из партии, лишен наград и пенсии, направлен на судебно-психиатрическую экспертизу в Институт общей и судебной психиатрии им. Сербского, а потом и на принудительное лечение в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу. Он был разжалован в рядовые. После отставки Н. С. Хрущева его освободили, но не восстановили в звании, и Григоренко работал то грузчиком в овощном магазине, то сторожем, то экскурсоводом.

В рабочей тетради поэта есть записи о встречах с Григоренко: «Зашел ко мне как-то человек (сидел в коридоре, я проходя спросил — не ко мне ли?), с первых слов показавший, что не всегда угадаешь при всем опыте и глазомере — что за человек и с чем пришел... <...> Заходит второй раз: хочу обратиться к XXIII съезду... — “Это дело вашей совести и ваше право, но...” Что я ему говорил — не важно, мне было жаль его, ясно было, что он уже вне материальных понятий о том, что можно и чего нельзя. Усмехнулся,

ушел, на другой день передали письмо: называет меня трусом, шкурспасателем, с горечью разочарования во мне как в писателе и человеке, и обещает “довести до делегатов” свое письмо».

Позже, уже в 1975 г., в письме А. И. Солженицыну Григоренко пересмотрел свое мнение о Твардовском: «Прошло время, и я понял, как ужасающе неправ был я. Не за себя он испугался. Я навлек угрозу на журнал... Интересы журнала для него были выше моих, да, вероятно, и Ваших... Он, жертвуя собой и своим талантом, отыскивал и выводил на большую дорогу Русской литературы новые прогрессивные силы <...> он стремился не столько себя выразить, как это делает большинство даже больших писателей, сколько время наше всеми силами прогрессивных писателей».

Больше они не встречались. Дальнейшая судьба П. Г. Григоренко сложилась весьма драматично. 7 мая 1969 г., во время поездки в Ташкент на процесс крымских татар, он был арестован и до октября находился в СИЗО КГБ Узбекистана. Определением суда от 25 мая 1970 г. П. Г. Григоренко был направлен на принудительное лечение в Черняховскую психиатрическую больницу с диагнозом «психическое заболевание в форме патологического (паранойяльного) развития личности с наличием идей реформаторства» и 28 мая этапирован в Черняховск. Здесь провел на «излечении» 40 месяцев, продолжая работать, — конспектировал классиков марксизма-ленинизма, писал статьи. (Больница размещалась в бывшей тюрьме Инстербурга, построенной в 1838 г. по проекту немецкого архитектора К. Ф. Шинкеля, причем в Европе это была первая тюрьма пенсильванского типа. Так случилось, что Григоренко попал теперь

в город, где за четверть века до того бывал и сам Твардовский, и тоже оказался связанным с нашим краем как «территориально», так и творчеством: в 1973 г. на Западе вышел сборник публицистики «Мысли сумасшедшего», где были опубликованы и его тюремные дневники, и вскоре по дневникам в Англии сняли фильм.) В 1973 г. Григоренко перевели в 5-ю московскую городскую психиатрическую больницу («Столбы»), в 1974 г., под давлением международной кампании протестов, освободили. Он вскоре возобновил правозащитную деятельность, а в мае 1976 г. стал членом-основателем Московской Хельсинкской Группы...

«Новый мир» был силен коллективом единомышленников. Но в декабре 1966 г., вопреки воле редактора, из состава редколлегии были выведены заместитель главного редактора А. Г. Дементьев и ответственный секретарь Б. Г. Закс.

Изгнание

Наиболее драматичными в истории «Нового мира» Твардовского были 1967–1970 гг., когда партийной олигархией делалось все, чтобы журнал изменил свой характер. Объемное представление о событиях того времени дают два «Новомирских дневника»: один вел сам А. Т. Твардовский, с 1961 г. по 1970 (увидел свет только в 2009 г.), другой — «новомирец» А. И. Кондратович, с 1967 г. по 1970 (издан в «перестроечном» 1991-м).

Мы же напомним читателю только о некоторых фактах.

В 1967 г. давление на «Новый мир» и его редактора усилилось. В газете «Правда» за 27 января, в редакционной статье «Когда отстают от времени», журнал был подвергнут резкой критике за «зыбкость идейных позиций». «Отмечалось, что редакция “Нового мира” на первый план выдвигает “персонажей, обиженных судьбой, людей с ущербной психологией и моралью, общественно пассивных”» (В. Савченков).

В январе Твардовский обратился с письмом к К. А. Федину, председателю Правления СП СССР, а в июне Секретариат ЦК КПСС поставил вопрос о руководстве журнала «Новый мир» перед Секрета-

риатом Правления Союза писателей СССР. Твардовского предполагалось сместить с поста главного редактора. Сам Твардовский видел своим преемником только В. Я. Лакшина, но с этим были категорически несогласны «наверху», предлагая в редакторы свою кандидатуру. Чехословацкий кризис помешал осуществить эти планы.

В августе опальный Твардовский отказывается подписывать проект коллективного письма, одобряющего вторжение в Чехословакию войск пяти стран Варшавского договора — СССР, НРБ, ВНР, ГДР и ПНР. Его примеру последовали еще несколько писателей. На эти события поэт откликнулся строками:

Что делать мне с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречала в шестьдесят восьмом?..

На предложение перейти в Секретариат СП на штатную должность с гарантированным окладом Твардовский ответил отказом. В марте 1969 г. он отверг и предложение «освежить» журнал, т. е. ввести в состав редколлегии рекомендованные ЦК кандидатуры. В мае строптивый редактор получил еще одно предложение — покинуть журнал. А вслед за этим в издательстве «Художественная литература» отменили печать 5-го тома Собрания сочинений А. Т. Твардовского из-за несогласия автора с внесенными поправками, в Ярославле был уничтожен тираж «Ученых записок» со статьей о поэме «Теркин на том свете». Подписка на «крамольный» журнал была запрещена в армии и в учебных заведениях.

В июле в журнале «Огонек» появилось печально известное письмо одиннадцати литераторов «Против чего выступает “Новый мир”?». В нем говорилось, что «Новый мир» «давно уже утратил представление о своем истинном месте в борьбе с чуждой идеологией», что в этом журнале «планмерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеям и завоеваниям» и проповедаются «космополитические идеи». В газете «Социалистическая индустрия» 31 июля была опубликована разгромная статья «Открытое письмо главному редактору журнала “Новый мир” тов. Твардовскому А. Г.» за подписью Героя Социалистического Труда, токаря М. Захарова из Подольска, а 9 августа выдвинуто ультимативное требование призвать к ответу редактора «Нового мира» «перед рабочим классом». «Организованы» подобного рода «письма трудящихся» и в некоторых других изданиях. Однако реакция читателей была иной, нежели ожидалось. «Каждая из публикаций против “Нового мира” вызывала новую волну писем в его защиту, — пишет В. А. Твардовская в статье «А. Г. Дементьев против “Молодой гвардии”». — Письма шли в редакции газет, выступавших в поддержку «Огонька», копии, как правило, отправляли в “Новый мир”. <...> По приблизительному подсчету новомирцев, всего в августе-сентябре 1969 года их было около 1500».

Свое несогласие с позицией «одиннадцати» выразил К. М. Симонов в письме в поддержку «Нового мира», которое подписали также К. И. Чуковский, М. В. Исаковский, С. С. Смирнов, А. А. Сурков, В. Ф. Тендряков, С. П. Антонов... Г. Я. Бакланов, Ю. В. Трифонов и дру-

гие писатели отправили протест против травли «Нового мира» в Секретариат Союза писателей СССР (В. Савченков).

По сути, статья А. Г. Дементьева явилась лишь поводом для того, чтобы нанести удар по «Новому миру» Твардовского. И хотя дискредитировать журнал и его редколлегию в глазах читателей не удалось, «безнадежность положения» была вполне реальной...»

В 1969 г. Твардовский завершил поэму «По праву памяти», над которой работал несколько лет. Но Главлит не допустил ее к печати в июньском номере «Нового мира». Твардовский коснулся болезненных точек истории и современности, рассказав правду о судьбах миллионов репрессированных сталинским режимом и их родных, о цене сталинского утверждения «Сын за отца не отвечает». И это в то время, когда в постановлениях, речах и статьях сходили на нет упоминания о «культе личности», терроре, лагерях. В поэме не могли не отразиться личные переживания автора, связанные с судьбой его родителей, братьев и сестер.

24 ноября председатель Комитета госбезопасности Ю. Андропов сообщил в ЦК КПСС, что «среди творческой интеллигенции получил неофициальное распространение полный текст поэмы А. Твардовского “По праву памяти”». В конце 1969 г. в газете «Зюддойче цайтунг» (ФРГ), журналах «Фигаро» (Франция), «Эспрессо» (Италия) и в «Посеве» эта поэма была опубликована под новым заголовком — «Над прахом Сталина». После этого в СССР она была запрещена цензурой. (Только ее первая глава, «Перед отлетом», увидела свет, но и она публиковалась как отдельное стихотворение.)

В феврале 1970 г. Твардовский направил письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу, в котором сообщал, что уже обращался к Первому секретарю Союза писателей К.А. Федину с просьбой поставить вопрос о поэме на Секретариате и обсудить ее «по примеру того, как были обсуждены заключительные главы... книги “За далью — даль”, в свое время также задержанные цензурой». Но поэма тогда не была обсуждена, и вопрос о ней оставался открытым вплоть до поры, когда появились заграничные ее публикации. Твардовский готов был выразить протест «против опубликования в зарубежной печати выкраденного и изуродованного» произведения, но считал, «что наиболее действенной формой отповеди было бы опубликование (после соответствующего обсуждения)» поэмы «в подлинном ее виде». Когда 3 февраля Секретариат Союза писателей заслушал сообщение К.А. Федина о письме Твардовского и беседе с ним, то в постановлении по этому вопросу вынес неожиданное решение: «назначить первым заместителем главного редактора журнала “Новый мир” тов. Большова, и комиссии... в трехдневный срок переформировать редколлегию журнала». Твардовский опротестовал перед ЦК КПСС и Секретариатом Союза писателей это решение, принятое без согласования с ним и в его отсутствие, как беспрецедентное ущемление прав главного редактора, носящее оскорбительный характер. Но уже через день его поставили в известность «о представлении к убытию пяти рабочих членов редколлегии журнала», в том числе обоих заместителей, и о введении вместо них новых, также без согласия редактора. «Таким образом, — писал поэт Брежневу, — вопрос о моей поэме

повлек за собой оргвыводы, означающие по существу прямое понуждение меня к отставке и фактический разгром редактируемого мною журнала. <...> Это мое обращение к Вам вызвано необходимостью, не терпящей отлагательств. Если бы Вы сочли возможным принять меня, я бы, наверно, смог коснуться вопросов о поэме, о “Новом мире” вообще и о положении в литературе с гораздо большей обстоятельностью и доказательностью».

Брежнев Твардовского не принял. Письмо в защиту «Нового мира» и Твардовского на имя генсека написали 14 писателей (в их числе М. Алигер, А. Вознесенский, А. Бек, Е. Евтушенко, М. Исаковский, В. Каверин, Ю. Нагибин, А. Рыбаков, В. Тендряков, Ю. Трифонов и другие). Однако это не помогло.

В годы войны, в письме Марии Илларионовне (15 июля 1942), говоря об успехе «современных Кукольников», Твардовский замечал: «Чаще всего вспоминаю слова Блока: “У поэта должна быть судьба, а не карьера”. Чем более по-серьезному думаешь о своей работе, о ее сладости для себя и правомочности в общем смысле, тем яснее и яснее чувствуешь, что это не имеет ничего общего со сладостью земного, а тем более официального успеха... Пропорция обратная...»

Выражаясь словами Блока, Твардовский карьере предпочел судьбу.

12 февраля он подал заявление об уходе с поста главного редактора, но сформулировал его как протест против фактического разгрома редколлегии. Через две недели отставка была принята окончательно. 2 марта Твардовский покинул журнал, которому отдал почти 16 лет. Таким образом он был удален — по сути, изгнан — из «Нового мира». Первый номер журнала

за 1970 г. был последним из вышедших за его подписью. В этом номере, отпечатанном уже после ухода главного редактора, под заголовком «Михаилу Васильевичу Исаковскому. (К его семидесятилетию)» была опубликована речь Твардовского, произнесенная в Концертном зале им. П.И. Чайковского 20 января 1970 г. на чествовании поэта по случаю его юбилея и присвоения ему звания Героя Социалистического Труда.

Но Твардовский продолжал бороться за справедливость. Вместе с Владимиром Тендряковым он помог генетику Жоресу Медведеву выйти из психиатрической больницы, куда ученый был насильно помещен за антилысенковские статьи и диссидентские взгляды.

В день своего 60-летия, 21 июня 1970 г., Указом Верховного Совета СССР Александр Трифонович Твардовский был награжден орденом Трудового Красного Знамени. На юбилей кавалера трех орденов Ленина, орденов Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, лауреата Ленинской и четырех Государственных премий в центральной прессе отклики помещались в урезанном виде. «От торжественного вечера в Центральном доме литераторов Твардовский отказался, а устроил обед для десяти человек — сотрудников журнала — в ресторане “Прага”, — писал В.Я. Лакшин. — ... Как это мало напоминало шумный, весёлый, многолюдный праздник — пятидесятилетний юбилей, отмечающийся в тех же стенах за длинными столами десятью годами прежде!»

22 сентября 1970 г. у Твардовского случился инсульт. В октябре врачи обнаружили и запущенный рак легких.

«Наверху» встревожились. Марии Илларионовне звонил референт Брежнева, говорил, что «отдано распоряжение сделать все возможное, — предоставить любых врачей и лекарства». А в ноябре 1971 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР А. Т. Твардовскому была присуждена Государственная премия за сборник «Из лирики этих лет. 1959–1967», вышедший еще за четыре года до этого.

Через газету «Известия» поэт поблагодарил «всех друзей-читателей, знакомых и незнакомых», поздравивших его с наградой.

18 декабря Александр Трифонович Твардовский умер в подмосковном дачном поселке Красная Пахра. 21 декабря он был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище...

Изрядная часть сил и времени у Твардовского уходила на руководство журналом. Над своими произведениями ему приходилось работать урывками. И, по свидетельству А. Кондратовича, он «писал с каждым годом все мучительнее и труднее». Однако плоды этого мучительного труда — лирические стихотворения, написанные им в 1960-е годы, — создают иное впечатление. Легкость (не легковесность — полетность), динамичность стиха, ясность ритмического рисунка, глубина постижения сути человеческого бытия, предельная лаконичность, тонкая ирония и самоирония — все это «поздний» Твардовский. «Разнотемные стихи складываются в некую лирическую летопись, запечатлевшую многие черты и перипетии современности — от признанно масштабных до относительно невеликих, а вернее — “преломившихся” в событиях и эпизодах вроде бы частного свойства. И для позднего Твардовского, пожалуй, особенно дороги

и принципиально важны стихи, где происходящие в истории события и переломы проявляют себя, “раскрывают” свои истинные итоги в конкретных человеческих судьбах», — так определяет А. М. Турков черты поэтического мира зрелого мастера. Лиризм и афористичность в равной мере присущи его стихотворениям 1968–1970 гг.: «В чем хочешь человечество вини...», «К обидам горьким собственной персоны...», «Время, скорое на расправу...», «Когда обычный праздничный привет...», «Не заслоняй святую боль...», «Всему свой ряд, и лад, и срок...», «Час мой утренний, час контрольный...»

В одном из последних стихотворений, написанном на шестидесятом году, поэт словно подводил жизненные итоги и делился своим пониманием сущего с теми, кому еще предстоит долгая дорога:

Что нужно, чтобы жить с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.

И, труд свой пристально любя, —
Он всех основ основа, —
Сурово спрашивать с себя,
С других не столь сурово.

Хоть про сейчас, хоть про запас,
Но делать так работу,
Чтоб жить да жить,
Но каждый час
Готовым быть к отлету.

И не терзаться — ах да ох, —
Что, близкий или дальний, —
Он все равно тебя врасплох
Застигнет, час летальный.

Аминь! Спокойно ставь печать,
Той вопреки оглядке:
Уж если в ней одной печаль, —
Так, значит, все в порядке.

Пути Памяти

Главные пути к сердечной памяти человека, если речь идет о писателе, — книги. И те, что давно известны читателям разных поколений и переиздавались неоднократно. И те, что впервые увидели свет в последние годы. Это, прежде всего, дневники и рабочие тетради А.Т. Твардовского, знакомство с которыми помогает понять истинный масштаб его личности и деятельности. После ухода из жизни жены поэта, Марии Илларионовны Твардовской, работу над публикацией его произведений, дневников, писем продолжили дочери: доктор исторических наук, профессор Валентина Александровна Твардовская, автор более 80 научных работ по истории русской общественной мысли, и театральный художник, лауреат Государственной премии РФ Ольга Александровна Твардовская, оформлявшая спектакли в «Ленкоме», Малом и других театрах. В одном из интервью В.А. Твардовская говорила, что ныне для нее это самое важное, что вся ее предшествующая деятельность «была подготовкой к работе» над «главной книгой» отца — его «Дневниками».

Имя Твардовского живет на картах городов и сел нашей страны, — как минимум, в названиях улиц трех

десятков больших и малых населенных пунктов России, в том числе в Калининградской области (улица в Гвардейске и бульвар в Калининграде). И, как минимум, в трех городах нашего Отечества есть улицы Теркина.

В статье «Костер Твардовского» (1983) Алексей Кондратович сообщает, что имя поэта было дано даже одному из тьянь-шаньских семитысячников, — не без участия писателя Чингиза Айтматова, который с первой встречи воспринимал Твардовского как горный пик, недостижимо высокую вершину.

Имя его осталось и в названии корабля: к порту Санкт-Петербург приписан теплоход «Александр Твардовский» (всего судов с его именем было три).

Имя А. Т. Твардовского носит Смоленская областная универсальная библиотека — одна из старейших в России. Здесь ежегодно, начиная с 2005 г., при поддержке Департамента Смоленской области по культуре и туризму, в рамках Дней памяти А. Т. Твардовского проходят Твардовские чтения, постоянными участниками которых являются В. А. и О. А. Твардовские, А. М. Турков — автор ряда монографий и статей о творчестве Твардовского (первая его книга о поэте вышла в 1960 г.), смоленский ученый В. В. Ильин и другие исследователи.

В Москве имя поэта и гражданина Александра Трифоновича Твардовского в 1973 г. присвоено школе № 279, где с того же времени работает и музей поэта. С 1990 г. имя Твардовского носит средняя школа № 1 в г. Починке, в родной поэту Смоленской области.

Мемориальный музей-усадьба А. Т. Твардовского на его родине, в Починковском районе Смоленской области, был открыт 19 июня 1988 г., в канун дня

рождения поэта. Это крестьянское подворье Твардовских на хуторе Загорье, восстановление которого было начато в 1986 г. по рисунку и макету Ивана Трифоновича Твардовского (1914–2003) и по воспоминаниям его и Константина Трифоновича Твардовского (1908–2002). Вещи, которые могли быть в доме в 1920–1930-х годах, собраны сотрудниками Смоленского государственного музея-заповедника в экспедициях по окрестным селам.

Еще один мемориальный музей расположен в самом Смоленске, в доме № 4 на Запольном переулке, в одну из квартир которого поэт въехал с родителями, сестрами и племянниками после освобождения города. Он жил здесь с 27 сентября 1943 г. по март 1944-го, пока редакция газеты «Красноармейская правда» Западного фронта находилась неподалеку от Смоленска. Сюда к Твардовскому приезжали фронтовые друзья — художник Орест Верейский и писатель Евгений Воробьев. В ноябре 1990 г. эта квартира стала музеем. Помимо обстановки, бережно сохраненной сестрами Александра Трифоновича, в экспозиции музея-квартиры А. Т. Твардовского представлены разные издания его книг, фотографии, письма, а также рисунки О. Верейского. Здесь проводятся литературные встречи и вечера.

На Смоленщине, наверное, находится наибольшее число знаков памяти, связанных с именем Твардовского. Это мемориальные доски на доме № 4 по ул. Твардовского (о наименовании в честь поэта); на ул. Пржевальского — на здании Смоленского университета, ранее пединститута, где в 1932–1934 гг. учился Александр Твардовский; на доме № 12 на Большой Советской (Дом книги и Смоленская организа-

ция Союза писателей России), в честь трех поэтов-земляков — Твардовского, Исаковского и Рыленкова; в селе Рибшево Духовщинского района, где в начале 30-х годов Твардовский работал над поэмой «Страна Муравия»; на станции Починок (1978). Это памятный камень в мемориальной усадьбе Твардовского, бюст поэта в Починке, созданный Народным художником России, председателем Союза художников России Андреем Ковальчуком (2010). Наконец, предмет особой гордости смолян — уникальный памятник поэту и его герою, Василию Теркину, работы смоленского скульптора, Народного художника РСФСР А. Г. Сергеева (1995).

В Воронеже мемориальная доска открыта на здании музыкального училища (проспект Революции), где зимой 1941–1942 гг. в редакции фронтовой газеты «Красная Армия» работал Твардовский.

В Москве мемориальная доска (скульптор Т. И. Каленкова) установлена в 1983 г. на доме № 1/7 на Кутузовском проспекте, здесь поэт жил в 1950–1961 гг. И совсем недавно, 22 июня 2013 г., был открыт памятник великому поэту на Страстном бульваре, неподалеку от редакции журнала «Новый мир». Авторы монумента — Народный художник России В. А. Суровцев и Заслуженный архитектор России В. В. Пасенко. Оба мастера за семь лет до этого работали в Черняховске над памятником полководцу М. Б. Барклаю-де-Толли. В. А. Суровцев создал для нашего города еще и две бронзовых доски в память об исторических событиях. В 2008 г. ему было присвоено звание Почетного гражданина г. Черняховска. Над памятником Твардовскому Владимир Александрович трудился несколько лет, для него, в первую

очередь, было значимо мнение дочерей поэта, и скульптор доводил модель памятника, учитывая их замечания. Именно он помог нам связаться с Валентиной Александровной и Ольгой Александровной Твардовскими в 2010 г. Это был юбилейный год — год 100-летия со дня рождения Александра Трифоновича Твардовского. И дочери поэта предоставили нам для публикации полный текст его стихотворения о Черняховском. А к самому дню юбилея они прислали приветствие участникам Литературных чтений, проходивших в городе, где в мае 1945 г. он встретил Победу: «Сердечно приветствуем участников Чтений в Гвардейске, посвященных 100-летию со дня рождения Александра Твардовского. Здесь, в бывшей Восточной Пруссии, поэт, сотрудник газеты 3-го Белорусского фронта “Красноармейская правда”, писал завершающие главы “Василия Теркина”, здесь продолжал работу над поэмой “Дом у дороги”. Этим местам тогда еще чужой земли посвящен ряд очерков Твардовского. Нам дорого, что там, где пролегал путь поэта-фронтовика, есть люди, которые помнят и любят его, читают и изучают его поэзию. С признательностью Валентина и Ольга Твардовские».

В Гвардейске тогда собралась литературная общественность всей области, и гостеприимные хозяева подготовили замечательную юбилейную программу. Здесь была высказана идея проводить такие чтения ежегодно и дать им наименование Теркинских, а в их рамках организовать литературно-музыкальный конкурс. С тех пор Теркинские чтения проходят в этом городе при активной поддержке местного Совета депутатов (его до недавнего времени возглавлял

Валерий Горбань — воин-интернационалист и член Союза писателей России, главный организатор конкурса) и писательских организаций Калининградской области.

Каждое торжество начинается с возложения цветов у памятной доски на стене особняка довоенной постройки (ул. Калининградская, 10). Ее текст гласит, что именно в этом доме в 1945 г. находилась редакция «Красноармейской правды», в которой служил Александр Твардовский... Эдуард Давыдович Лифшиц, редактор гвардейской газеты «Наша жизнь», занялся поиском здания, где останавливались сотрудники «Красноармейки», на рубеже 1980–1990-х годов. В конце концов, ему удалось связаться с художником Орестом Георгиевичем Верейским, который подробно описал здание и его местонахождение. На первом и втором его этажах были две квартиры. Твардовский жил наверху, в мезонине над вторым этажом... Дом с бетонным козырьком над ступеньками подъезда, небольшим палисадником перед входом и фруктовым садом с тыльной стороны, куда выходило большое окно, оказался цел...

Темой «Твардовский и Восточная Пруссия», примерно в одно время с Э.Д. Лифшицем, заинтересовался калининградский журналист Петр Петрович Казаченок, который о результатах своих поисков писал в газете «Страж Балтики», а затем в очерке «Наш земляк — “Василий Теркин”», вошедшем в его книгу «Голоса памяти».

Отрадно, что интерес к теме питают и юные исследователи, публикующие свои работы в областном краеведческом альманахе «Отечество» (главный редактор В.А. Миловский).

Декабрь 2012 г. был отмечен знаменательным фактом: состоялся телемост между Калининградом и Смоленском, в котором открылись VIII Международные Твардовские чтения. Это был первый телемост, связавший участников чтений в Смоленске с писателями — организаторами Теркинских чтений в Калининградской области.

Среди участников Твардовских чтений в Смоленске на этот раз были и наши землячки — Екатерина Тикун, работник Калининградской областной научной библиотеки (заочное участие), и Анна Мичеева, руководитель музея г. Гвардейска при Детско-юношеском центре, автор посвященной А. Т. Твардовскому экспозиции и нескольких публикаций о поэте в газете «Наша жизнь». Поездка в Смоленск для Анны Михайловны стала ярким событием. А Валентина Александровна Твардовская в своем письме в Черняховск от 1 января 2013 г. отметила: «На очередных декабрьских Чтениях А. Твардовского в Смоленске... были интересные доклады исследователей из Гвардейска. Надеюсь, что их связи с Чтениями А. Т. <Твардовского> укрепятся».

В феврале 2013 г. Калининградское отделение Союза писателей России объявило о проведении нового областного литературного конкурса, «За далью — даль». Оглашение его итогов и награждение победителей состоялось 22 июня, в День памяти и скорби, в Черняховске, в выставочном зале Детской художественной школы им. Марии Тенишевой. Кстати, именно в этих стенах более десятка лет назад, 8 мая 2002 г., открылась, благодаря доброй помощи Калининградской художественной галереи, выставка графики О.Г. Верецкого, на которой

были представлены и работы из серии иллюстраций к поэме «Василий Теркин». (Это было совершенно особое чувство — увидеть не отпечатанные в типографии, а «живые» листы, к которым прикасалась рука того самого художника, в чьем присутствии рождались главы поэмы.) Церемония награждения призеров конкурса проходила в одно время с большим торжеством в Москве — открытием долгожданного памятника А. Т. Твардовскому.

Работники Черняховской библиотеки оформили в художественной школе выставку изданий Твардовского и о Твардовском из фондов централизованной библиотечной системы, личных библиотек участников Черняховского литературного объединения «Рассвет» и членов районного Общественного совета по сохранению историко-культурного наследия. Здесь были представлены и книги, переданные в дар библиотеке дочерьми великого поэта.

Литература и электронные ресурсы

Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 томах. — М.: Художественная литература, 1976–1983.

Твардовский А. Т. Избранные произведения: в 3 томах. — М.: Художественная литература, 1990.

Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца / под ред. А. М. Самсонова; ст. и прим. А. Л. Гришунина; худож. О. Г. Верейский. — М.: Наука, 1978. — (Серия «Литературные памятники»).

Твардовский А. Т. Запас огня, залог тепла... — М.: Молодая гвардия, 1983.

Твардовский А. Т. Новомировский дневник: в 2 томах. Том 1. 1961–1966. Том 2. 1967–1970. — Москва: ПРОЗАиК, 2009.

Твардовский А. Т. «Честно я тянул мой воз»: Стихи. Проза. Дневники. Письма. Документы. Голоса современников. — М.: Издательство «МИК», 2010.

Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку...»: Дневники. Письма. 1941–1945. — М.: Вагриус, 2005.

Аркашев В. И. Дорогами Василия Теркина (страницы из фронтовой жизни А. Т. Твардовского). — Минск: Беларусь, 1985.

Василевский А. М. Дело всей жизни. Изд. 3-е. — М.: Политиздат, 1978.

Вася Теркин на фронте. (Фронтная библиотечка газеты «На страже Родины»). — Л.-М.: Искусство, 1940.

Верейский О. Г. Встречи в пути: [очерки] / О. Г. Верейский. — М.: Искусство, 1988.

Воспоминания об А. Твардовском: сборник. Изд. 2-е / сост. М. И. Твардовская. — М.: Советский писатель, 1982.

Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. — М.: Наука, 1970.

Готов Василий, Кириллов Юрий. Василий Теркин на этом свете // «Трибуна». 2010. 25 июня.

Громак В. Есть имена, и есть такие даты // Сельская жизнь. 2009. 18 июня.

Ермолаева Н. Л. А. Т. Твардовский в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. — М.: ЗАО «Русское слово — учебник», 2010.

Ерофеев И. В., Каштанова-Ерофеева Г. В. «Чуждый запах заграничный...» // Полнос + ТВ. 2009. № 8 (926). 6 февраля.

Захарченко В. Загадка Вислинского залива // ModernLib.Ru. URL: http://modernlib.ru/books/zaharchenko_vasilij/zagadka_vislinskogo_zaliva/read/

Казаченок П. П. Голоса памяти: [очерки] / П. П. Казаченок. — Калининград: Калининградская правда, 2005.

Каменский А. А. Орест Георгиевич Верейский. — М.: Советский художник, 1960.

Караетьян Е., Кравченко Ю. Фейерверк над Тапиау // Отечество: краеведческий альманах. 2006. № 4.

Каштанова-Ерофеева Г. В. «...И на руинах Тапиау закончил книгу про бойца» // Полнос + ТВ. 2010. № 42 (1058). 22 июня.

Каштанова-Ерофеева Г. В. Книги поэта. Книги о поэте // Полнос + ТВ. 2010. № 43 (1059). 25 июня.

Кондратович А. И. Александр Твардовский: поэзия и личность. — М.: Художественная литература, 1978.

Кондратович А. И. Новомирский дневник: 1967–1970. — М.: Советский писатель, 1991.

Костяшов Ю., Кретинин Г. Россияне в Восточной Пруссии: В 2-х ч. / Под ред. Ю. Костяшова. — Калининград: ФГУИПП «Янтар. Сказ», 2001.

Кравченко Ю., Сухинина В. Он в свою ходил атаку (К 100-летию А. Т. Твардовского) // Отечество: краеведческий альманах. 2010. № 8.

Кюнхен Ганс. Торжественное открытие железной дороги Кенигсберг — Эйдткунен / Пер. с нем. Л. В. Климовой // Полюс + ТВ. 2010. 8 июня.

Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное. 1953–1964. — М.: Книжная палата, 1991. — (Дневники. Мемуары. Свидетельства).

Лакшин В. Я. Твардовский в «Новом мире». — М., 1989.

Лифшиц Э. Продолжим поиск, друзья! // Знамя Ильича. 1990. № 74 (6311). 21 июня.

Мичеева Анна. Всенародно любимый поэт // Наша жизнь. 2010. 26 июня.

Охота Л. Василий Теркин в Черняховске // Полюс +ТВ. 2002. 15 мая.

Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшкин, В. И. Гальцов и др. — Калининград: Янтарный сказ, 2002.

Савченков В. Травля. К 100-летию А. Т. Твардовского // Омское отделение Союза российских писателей. URL: <http://www.srpomsk.ru/244.html>

Твардовский без глянца: [сост., вступ. ст. П. Фокина]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. — (Серия «Без глянца»).

Твардовский И. Т. Родина и чужбина. Книга жизни. — Смоленск: Посох, 1996.

Турков А. М. Александр Твардовский. — М.: Молодая гвардия, 2010. — (Жизнь замечательных людей: малая серия: сер. биогр.; вып. 6).

Чернов Юрий. Встречи, которые забыть нельзя... // Северная жемчужина. 2011. № 3 (17).

Шел солдат дорогою побед: Восточно-Прусская операция 1944–1945 гг. в худож. лит. — Калининград: Кн. изд-во, 1980.

Шмутинский М. А. Десант на косу Фрише Нерунг // Великая Отечественная война. Восточно-Прусская операция. URL: <http://mainsite.gako.name/kaliningradarchives/>

Barran, Fritz R. Atlas nördliches Ostpreußen: Königsberger Gebiet. — Leer: Rautenberg, 1993.

- <http://www.angrapa.info>
- <http://www.angrapa.ru/forum/ptopic219.html>
- <http://www.antology.igrunov.ru/authors/grigorenko>
- <http://www.bildarchiv-ostpreussen.de>
- <http://www.do.gendocs.ru/docs/index-353082.html?page=13>
- <http://www.epwr.ru/quotauthor/218/>
- <http://www.gako.name>
- <http://www.hrono.ru/biograf>
- <http://www.lib.rus.ec/b>
- <http://www.magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/tv27-pr.html>
- <http://www.montenau.be>
- <http://www.montenauer.com>
- http://www.offtop.ru/castles/v9_393953_.php
- <http://www.proshkolu.ru/org/pochinok-1>
- <http://www.sch279sv.mskobr.ru>
- <http://www.smolensklib.ru>
- http://www.smolensk-museum.ru/catalog/muzey-kvartira_tvardovskogo
- <http://www.smolenskru.ru/Museums/tvardovskij.htm>
- <http://www.smolnews.ru/news>
- <http://www.sprsmolensk.ru/origins/aleksandr-trifonovich-tvardovskij>

**Игорь Васильевич Ерофеев,
Галина Владимировна Каштанова-Ерофеева**

**ДОРОГИ
АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО**

Лит. редактор Т. Г. Тетенькина
Верстка Н. Кустовой

Формат А5.
Гарнитура «Баскервиль».
Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Аксиос».
236000, Калининград, ул. Марата, 1.
Тел. (4012)960351, e-mail: te@kanet.ru

Отпечатано в типографии «ООО Аксиос»

ISBN 978-5-91726-068-6